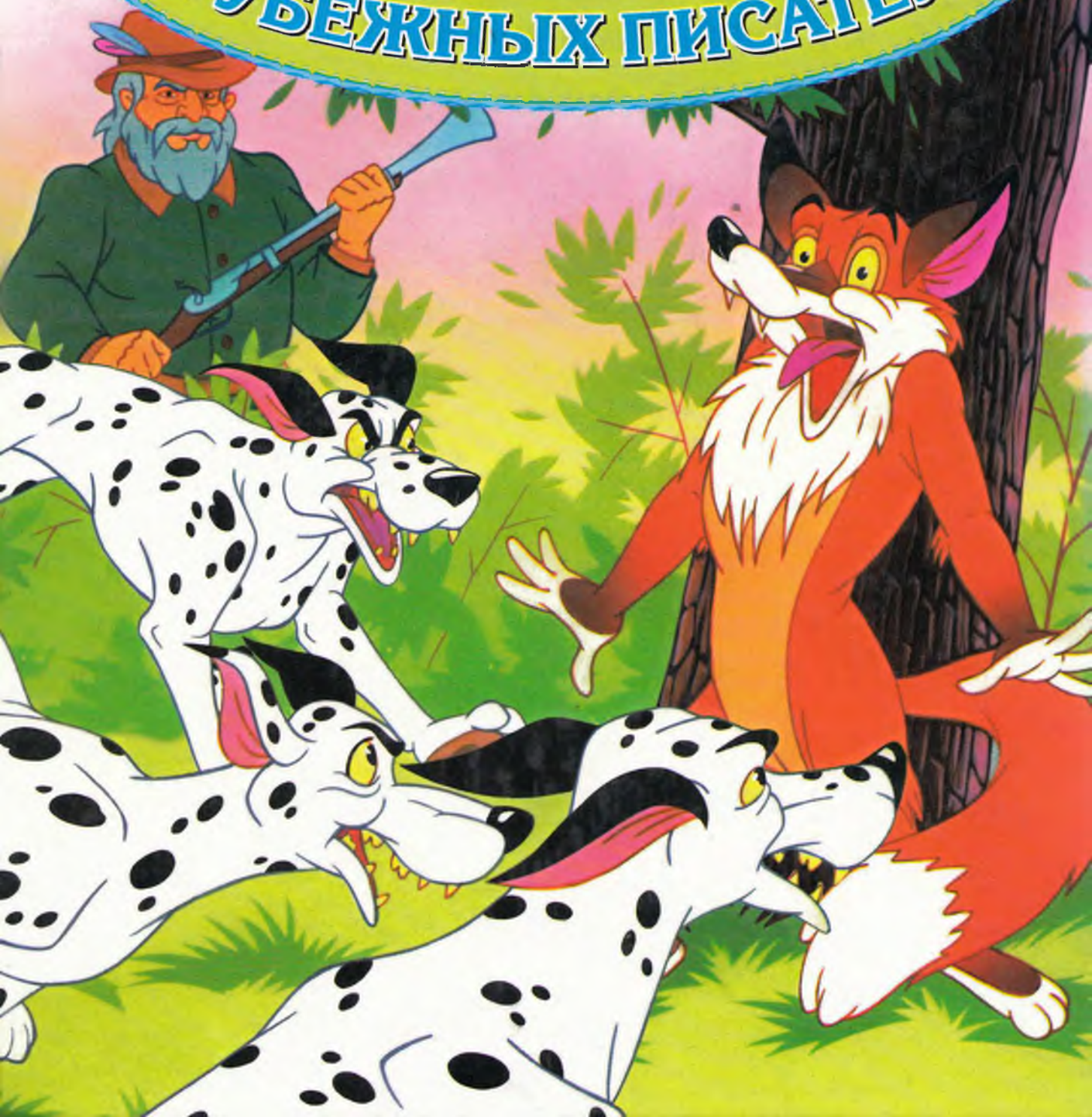

СКАЗКИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

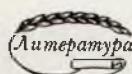
СКАЗКИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

ВЫПУСК 2

МОСКВА

2000

Художники:

*Георгий Андреев, Павел Воловик, Дмитрий Новаков, Ринат Вильданов,
Евгений Муравьев, Дмитрий Ахунбабаев, Владимир Вышегородцев, Анна Атаманова,
Татьяна Зворыкина, Рустам Рамазанов, Игорь Верповский, Татьяна Фадеева*

СОДЕРЖАНИЕ

1. Лиса и кот. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова	10. Новое платье короля. (<i>Г. Х. Андерсен</i>)
Перевод А. Ганзена
2. Сладкая каша. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова	11. Гадкий утёнок. (<i>Г. Х. Андерсен</i>)
Перевод А. Ганзена
3. Боб, соломинка и уголёк. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова	12. Подарок феи. (<i>Шарль Перро</i>)
Перевод с французского
4. Ленивая пряжа. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова	13. Волк и лиса. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова
5. Бременские музыканты. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Б. Акимова	14. Семь воронов. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова
6. Храбрый портняжка. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова	15. Чудаковатый музыкант. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова
7. Гензель и Гретель. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Б. Акимова	16. Пчелиная королева. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова
8. Принцесса на горошине. (<i>Г. Х. Андерсен</i>)
Перевод А. Ганзена	17. Три пряжи. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова
9. Пастушка и трубочист. (<i>Г. Х. Андерсен</i>)
Перевод А. Ганзена	18. Заячья невеста. (<i>Братья Гримм</i>)
Перевод Г. Петникова

АУСА И КОТ

Случилось раз коту в лесу с госпожой лисой повстречаться. «Она умная и такая опытная, что её все на свете уважают», — подумал кот и ласково к ней обратился:

— Добрый день, милая госпожа лиса, как вам живётся? Как справляетесь вы в наши трудные времена? Ведь дороговизна-то какая!

Посмотрела лиса надменно на кота, смерила его с ног до головы и помедлила, не зная, стоит ли ему и отвечать. Наконец она сказала:

— Ах ты, несчастный Мурлыка, дурень ты этакий, голодный ты мышелов, что это тебе в голову пришло, что ты осмеливаешься ещё спрашивать, как мне живется? Чему ты учился? Какие науки прошёл?

- Я прошёл только одну, — скромно ответил кот.
- А какая же это наука? — спросила лиса.
- Если за мной гонятся собаки, то я умею прыгнуть на дерево и спастись.
- Это и всё? — сказала лиса. — А вот я на целую сотню искусств мастерица, да, кроме того, у меня полный мешок хитростей. Мне тебя жаль, пойдём-ка вместе со мной, и я тебя научу, как лучше от собак убегать.

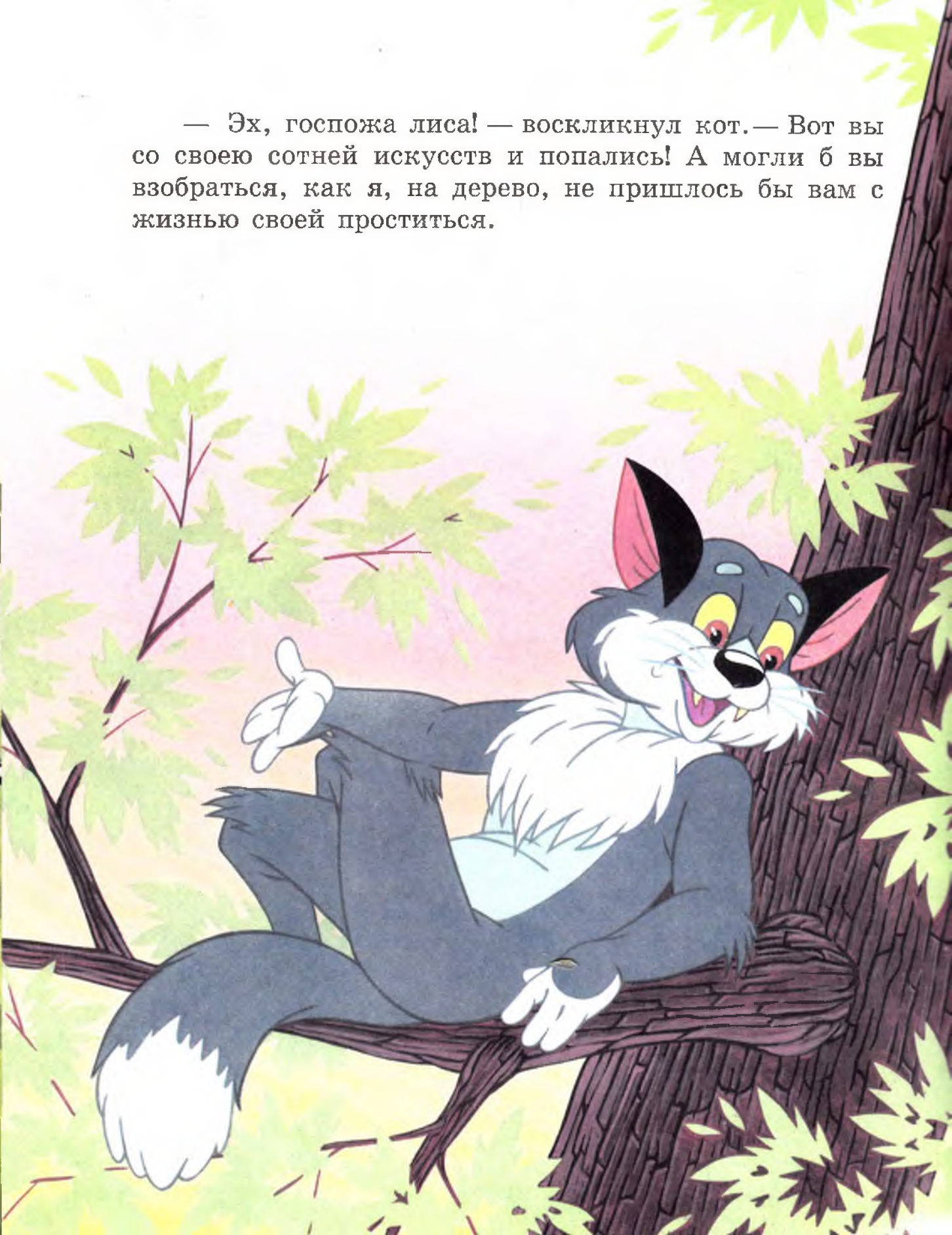
А тут как раз на эту пору проходил охотник с четырьмя собаками. Кот быстро прыгнул на дерево и уселся на самой верхушке, и ветки и листья его укрыли.

— Развяжите ваш мешок, госпожа лиса, развяжите мешок! — крикнул ей кот, но собаки её уже схватили и крепко держали в зубах.

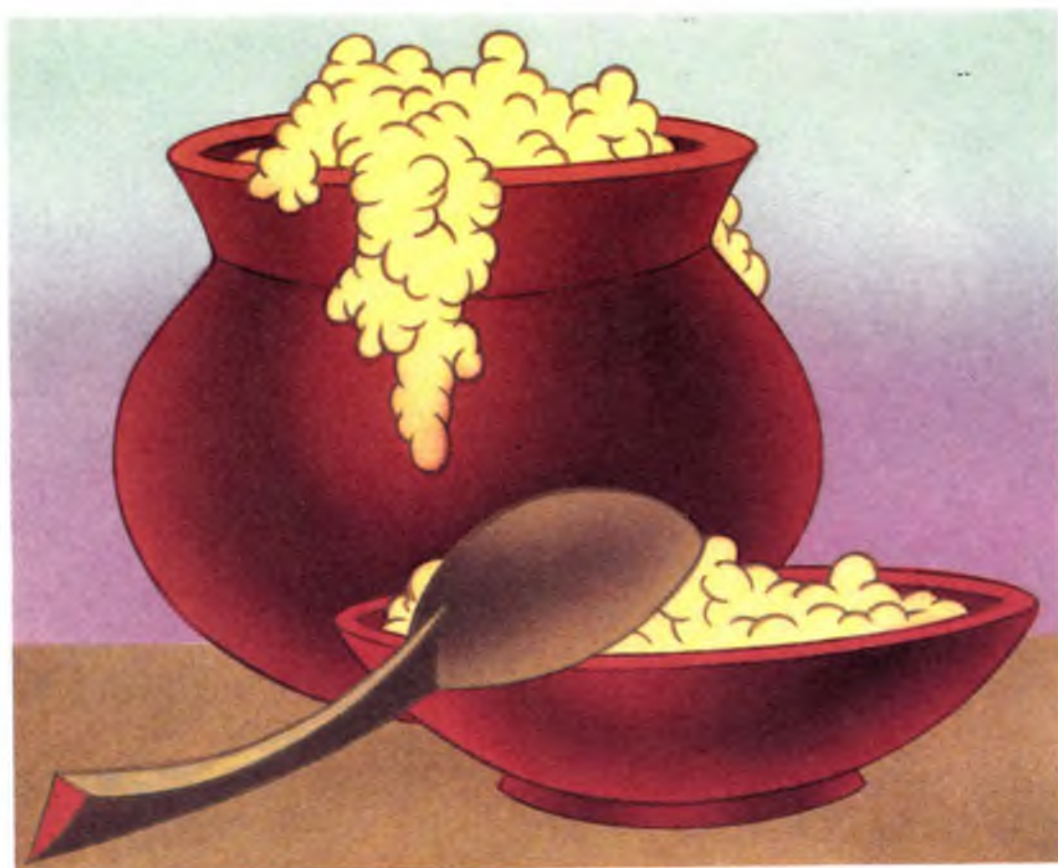

— Эх, госпожа лиса! — воскликнул кот. — Вот вы со своею сотней искусств и попались! А могли б вы взобраться, как я, на дерево, не пришлось бы вам с жизнью своей проститься.

САДОККАЯ КАША

Жила-была бедная, скромная девочка одна со своей матерью, и есть им было нечего.

Пошла раз девочка в лес и встретила по дороге старуху, которая уже знала про её горемычное житьё и подарила ей глиняный горшочек. Стоило ему только сказать: «Горшочек, вари!» — и сварится в нём вкусная, сладкая пшённая каша; а скажи ему только: «Горшочек, перестань!» — и перестанет вариться в нём каша.

Принесла девочка горшочек домой своей матери, и вот избавились они от бедности и голода и стали, когда захочется им, есть сладкую кашу.

Однажды девочка ушла из дому, а мать и говорит: «Горшочек, вари!» — и стала вариться в нём каша, и наелась мать досыта. Но захотелось ей, чтоб горшочек перестал варить кашу, да позабыла она слово.

И вот варит он и варит, и ползёт каша уже через край, и всё варится каша. Вот уже кухня полна, и вся изба полна, и хочет она весь мир накормить; и приключилась большая беда, и ни один человек не знал, как тому горю помочь.

Наконец, когда один только дом и остался цел, приходит девочка; и только она сказала: «Горшочек, перестань!» — перестал он варить кашу; а тот, кому надо было ехать снова в город, должен был в каше проедать себе дорогу.

БОБ, СОДОМИНКА И УГОДЁК

Жила-была в деревне бедная старуха. Как-то собрала она миску бобов и хотела их сварить. Подбросила в печь пучок соломы, чтоб огонь побыстрее разгорелся, и стала пересыпать бобы в горшок. Но вдруг один из них невзначай выскользнул и улёгся на полу рядом с соломинкой. А вскоре выскочил к ним из печи горящий уголёк.

Вот соломинка и спрашивает:

— Откуда вы к нам, милые друзья?

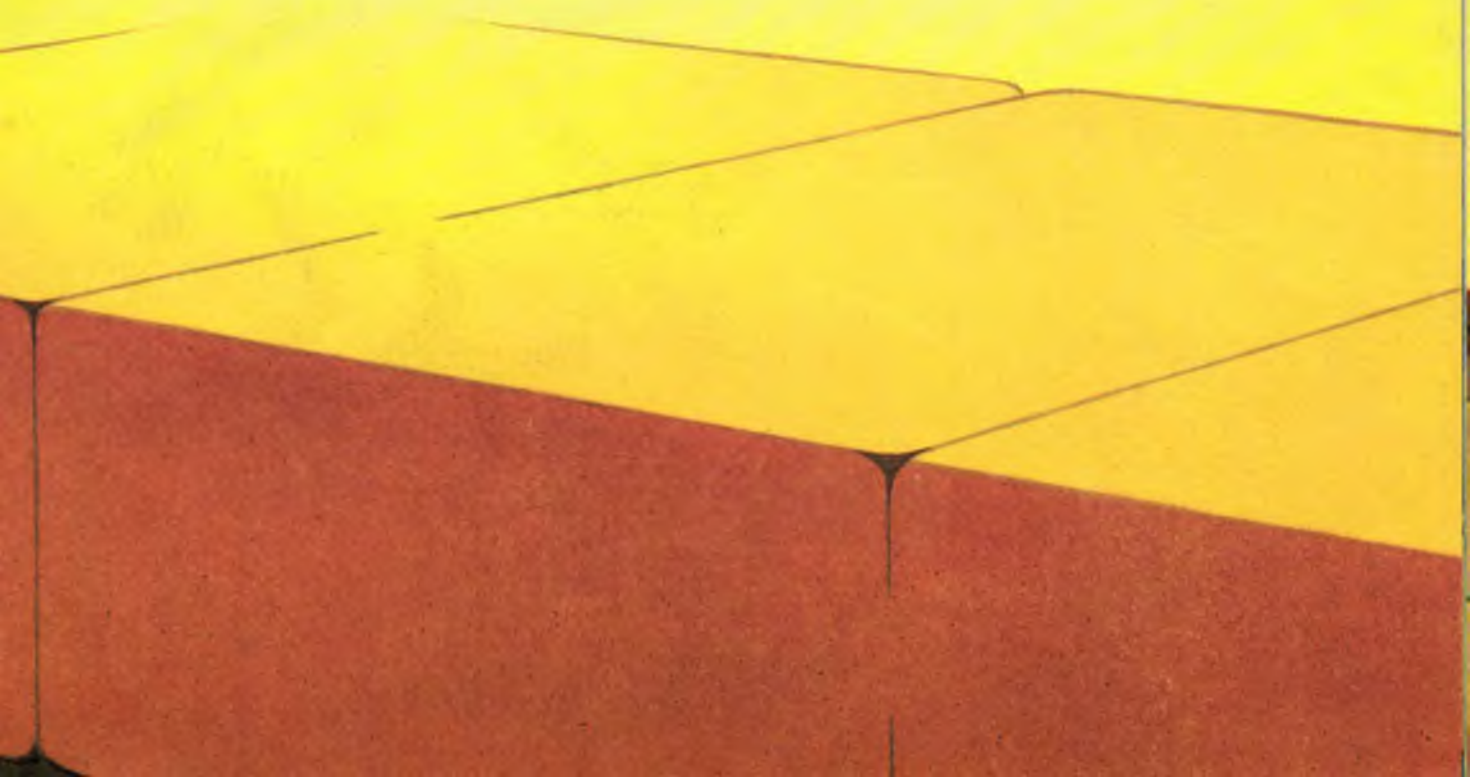
— Да вот удалось мне из огня выскочить, а не то сгорел бы и превратился в пепел,— отвечает уголёк.

— Я тоже ловко спас свою шкуру,— говорит ей боб.— Не то сварила бы старуха из меня похлёбку, как из моих товарищей, без всякого сожаления.

— А мне-то разве лучше пришлось бы? — спросила соломинка.— Всех моих сестриц старуха в огонь обратила. Счастье моё, что выскользнула у неё из рук.

— Что же нам теперь делать? — спрашивает уголёк.

— Уж раз мы так счастливо спаслись, то давайте жить вместе, как добрые друзья,— ответил боб.— А чтоб с нами не случилось новой беды, уйдём отсюда и поселимся в иной, чужедальной стране.

Это всем понравилось, и они отправились в путь.

Повстречался им по дороге маленький ручеек, и не было там ни мостика, ни жердинки, по которой можно было бы перейти на другую сторону. Но соломинка вскоре нашла выход и говорит:

— Знаете что, лягу-ка я поперёк ручья, а вы переправитесь по мне, как по мостику.

И она протянулась с берега на берег. А уголёк был нрава пылкого и смело затопал по вновь построенному мосту. Но дойдя до середины, он вдруг услышал под собой шум воды. Испугался уголёк, замер на месте и дальше идти не решился. Тут соломинка под ним загорелась, переломилась надвое и упала в ручей. Уголёк же, попав в воду, зашипел и умер.

А боб, тот был поосторожней — он остался на берегу. Но увидев, что случилось, засмеялся и никак не мог остановиться. Так в конце концов и лопнул.

Тут бы ему и конец настал, но, к счастью, отдыхал у ручья портной. Сжалился он, достал иглу и нитки и сшил лопнувший боб.

Но только нитки-то у портного были чёрные. С тех пор у всех бобов и виден посередине чёрный шов.

ЛЕНИВАЯ ПРЯЖА

Жил-был в одной деревне муж со своею женой, и была жена такая ленивая, что делать ничего никогда не хотела.

Даст ей муж что напрядь, бывало, а она пряжу не кончит. А если и напрядёт, то не наматает, а оставит всю пряжу на гребне. Выбранит её муж за это, а она спуску ему не даст и начнёт говорить:

— Ой, да как же мне наматывать пряжу, если нет у меня мотовила! Ступай-ка сначала в лес да сделай мне мотовило.

— Ежели дело только за этим стало,— говорит муж,— я пойду в лес и принесу дерево для мотовила.

Испугалась жена, что если будет у мужа дерево, чтоб сделать из него мотовило, придётся ей пряжу разматывать и начинать пряжу заново. Подумала она, пораздумала, кое-что надумала и побежала тайком в лес вслед за мужем.

Вот взобрался муж на дерево, чтоб выбрать и срубить подходящий кусок, а она спряталась внизу в кустах, где он заметить её не мог, и как крикнет оттуда:

Кто дерево для мотовила рубит —

Умрёт, а кто мотает — тот себя погубит.

Услыхал это муж, опустил топор и стал раздумывать, что бы это могло значить. «Э, да что там, — молвил он, наконец, — что может случиться? Это мне только послышалось, нечего на себя страх напускать.» Взялся он снова за топор, хотел было начать рубить, а снизу опять как закричит:

Кто дерево для мотовила рубит —
Умрёт, а кто мотает — тот себя погубит.

Он бросил рубить, стало ему жутко и страшно. Начал он раздумывать, что бы это могло значить. Прошло немного времени, он опять успокоился и взялся в третий раз за топор, хотел было рубить. Но и в третий раз опять кто-то громко закричал:

Кто дерево для мотовила рубит —
Умрёт, а кто мотает — тот себя погубит!

Этого было достаточно, чтобы он потерял всякую охоту рубить; и он поспешил спуститься с дерева и отправиться домой. А жена кинулась опрометью окольной дорогой, чтоб вернуться домой раньше мужа.

Вот входит муж в комнату, а она прикинулась, будто ничего не было, и спрашивает:

— Ну что, принёс подходящее дерево для мотовила?

— Нет, — говорит он, — вижу, что дело с мотанием пряжи не выйдет, — и рассказал ей о том, что случилось в лесу, и с той поры оставил жену с этим делом в покое.

Но вскоре начал муж сердиться опять на то, что в доме у них беспорядок.

— Жена, — говорит он, — стыдно тебе, что готовая пряжа лежит на гребне.

— Знаешь что, — сказала жена, — так как нам не достать мотовила, то стань ты вот тут, а я нагнусь и буду гребень тебе подбрасывать, а ты будешь его бросать мне вниз, вот и получится у нас по крайней мере верёвка.

— Да, пожалуй,— сказал муж.

Так они и сделали, и когда с работой покончили, говорит ей муж:

— Ну, вот мы пряжу и смотали, а теперь надо будет её проварить.

Испугалась жена и говорит:

— Уж мы проварим её завтра утром пораньше,— а сама опять кое-что надумала.

Поднялась она раным-рано, растопила печь и поставила на огонь котёл, но вместо пряжи положила в него ворох пакли и начала её варить.

Потом подошла она к мужу, тот лежал ещё в постели, и говорит ему:

— Мне надо отлучиться по делу, а ты вставай да за пряжей присмотри; она лежит в котле и вываривается. За ней надо вовремя присмотреть, ты поглядывай повнимательней, а то когда запоёт петух, а ты не досмотришь, обратится пряжа в паклю.

Начал муж подыматься, решил времени не терять, быстро схватился и направился на кухню. Подошёл он к котлу, глянул в него и, к ужасу своему, увидел в нём один лишь сплошной комок пакли. Промолчал бедный муж, ничего не сказал и подумал, что он прозевал, видно, и сам виноват в этом, и с той поры никогда уже больше не заговаривал он ни о прядеве, но о пряже. Ну, скажи мне теперь сам, не скверная ли была у него хозяйка?

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Был у одного хозяина осёл, и много лет подряд таскал он без устали мешки на мельницу, но к старости стал слаб и к работе не так пригоден, как прежде.

Подумал хозяин, что кормить его теперь, пожалуй, не стоит, и осёл, заметив, что дело не к добру клонится, взял и убежал от хозяина и двинулся по дороге на Бремен — он думал, что там удастся ему сделаться уличным музыкантом.

Вот прошёл он немного, и случилось ему повстречать по дороге охотничью собаку: она лежала, тяжело дыша, высунув язык,— видно, бежать устала.

— Ты что это, Хватай, так тяжело дышишь? — спрашивает её осёл.

— Ох,— отвечает собака,— стара я стала, что ни день, то всё больше слабею, на охоту ходить уже не в силах. Вот и задумал меня хозяин убить, но я от него убежала. Как же мне теперь на хлеб зарабатывать?

— Знаешь что,— говорит осёл,— я иду в Бремен, хочу сделаться там уличным музыкантом. Пойдём вместе со мной, поступай ты тоже в музыканты. Я на лютне играю, а ты будешь бить в литавры.

Собака на это охотно согласилась, и они пошли дальше.

Вскоре повстречали они на пути кота — он сидел у дороги, мрачный да невесёлый, как дождевая туча.

— Ну, что, старина, Кот Котофеич, беда, что ли, какая с тобой приключилась? — спрашивает его осёл.

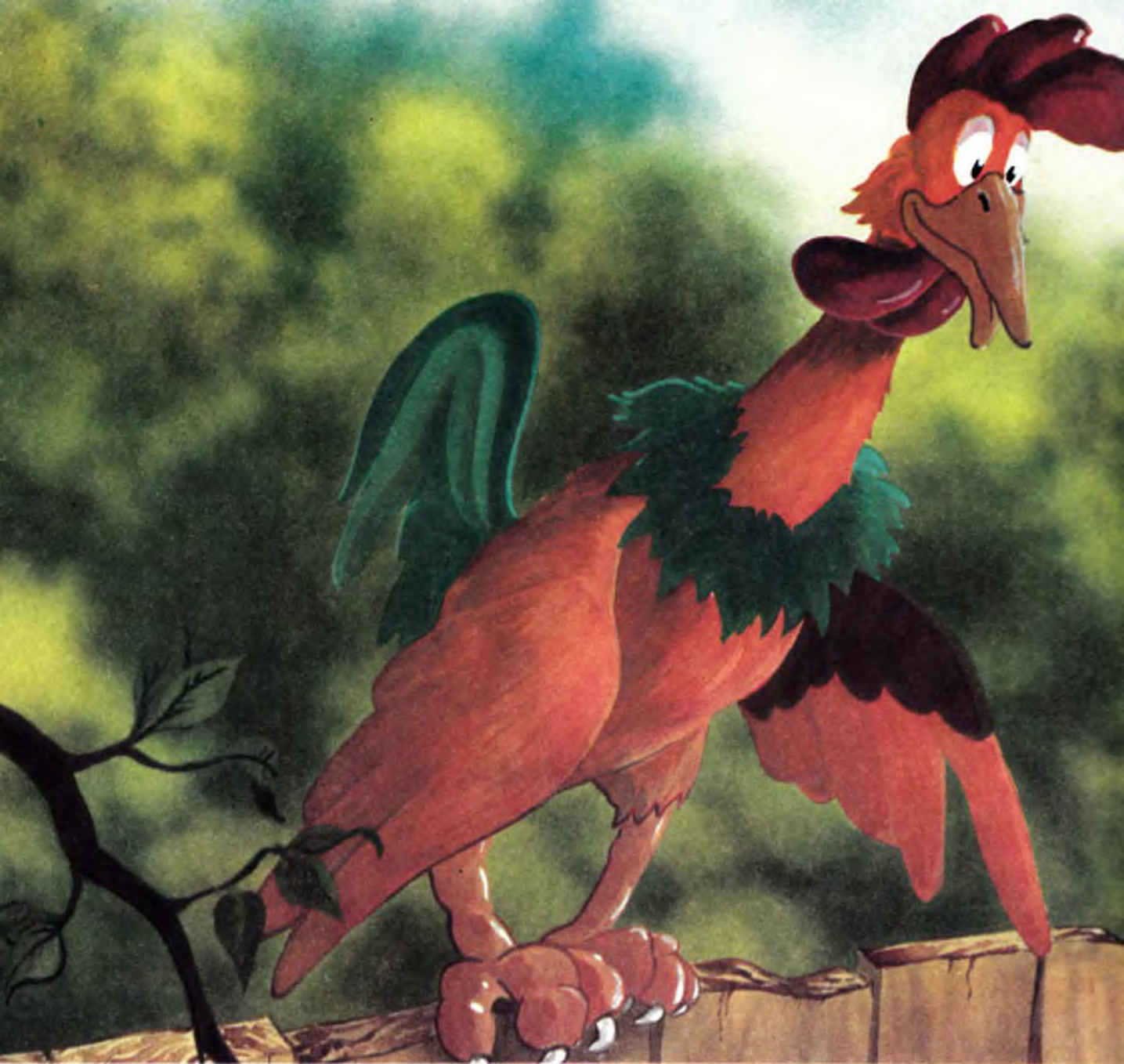
— Да как же мне быть весёлым, когда дело о жизни идёт,— отвечает кот.— Стал я стар, зубы у меня притупились, сидеть бы мне теперь на печи да мурлыкать, а не мышей ловить — вот и задумала меня хозяйка утопить, а я убежал подобру-поздорову. Ну, какой дашь мне добрый совет? Куда ж мне теперь деваться, чем прокормиться?

— Пойдём с нами в Бремен, ты ведь ночные концерты устраивать мастер, вот и будешь там уличным музыкантом.

Коту это дело понравилось, и пошли они вместе.

Шли беглецы мимо одного двора, видят — сидит на воротах петух и кричит во всё горло.

— Чего ты горло дерёшь? — говорит осел.

— Да это я хорошую погоду предвещаю, — ответил петух. — Ведь нынче Богородицын день. Да всё равно нет у моей хозяйки жалости: велела она кухарке сварить меня в супе.

— Вот что, петушок — красный гребешок,— сказал осёл,— ступай-ка ты лучше с нами. Мы идём в Бремен, голос у тебя хороший, и если мы примемся вместе за музыку, то дело пойдёт на лад.

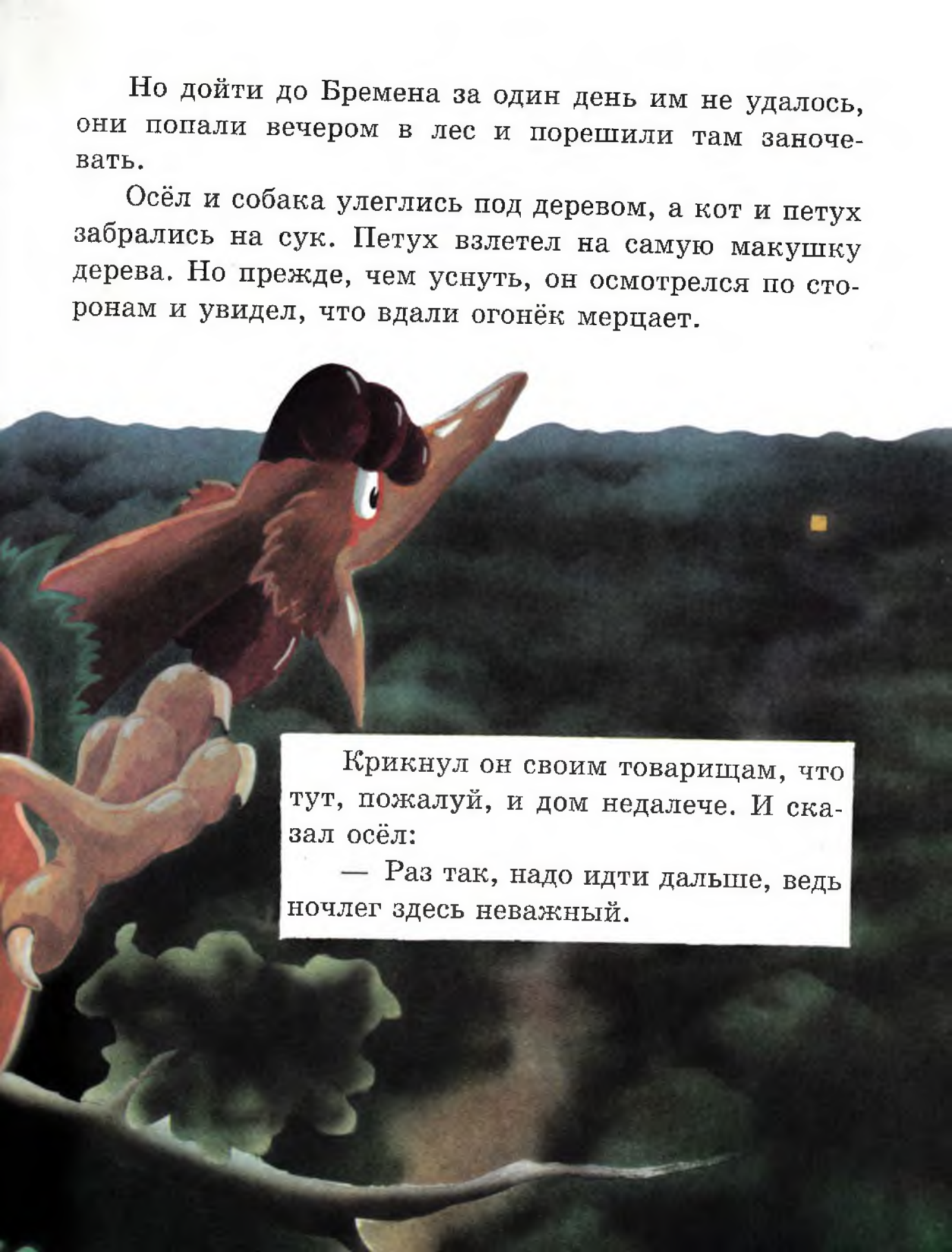
И они двинулись все вчетвером дальше.

Но дойти до Бремена за один день им не удалось, они попали вечером в лес и порешили там заночевать.

Осёл и собака улеглись под деревом, а кот и петух забрались на сук. Петух взлетел на самую макушку дерева. Но прежде, чем уснуть, он осмотрелся по сторонам и увидел, что вдали огонёк мерцает.

Крикнул он своим товарищам, что тут, пожалуй, и дом недалече. И сказал осёл:

— Раз так, надо идти дальше, ведь ночлег здесь неважный.

А собака подумала, что некоторая толика костей и мяса была бы кстати. И вот они двинулись в путь-дорогу, навстречу огоньку, и вскоре пришли к ярко освещённому разбойничьему притону.

Осёл подошёл к окошку и заглянул в него.

— Ну, осёл, что тебе видно? — спросил петух.

— Вижу накрытый стол, на нём вкусные кушанья, и сидят за столом разбойники, — ответил осёл.

— Там и для нас бы хватило, — сказал петух.

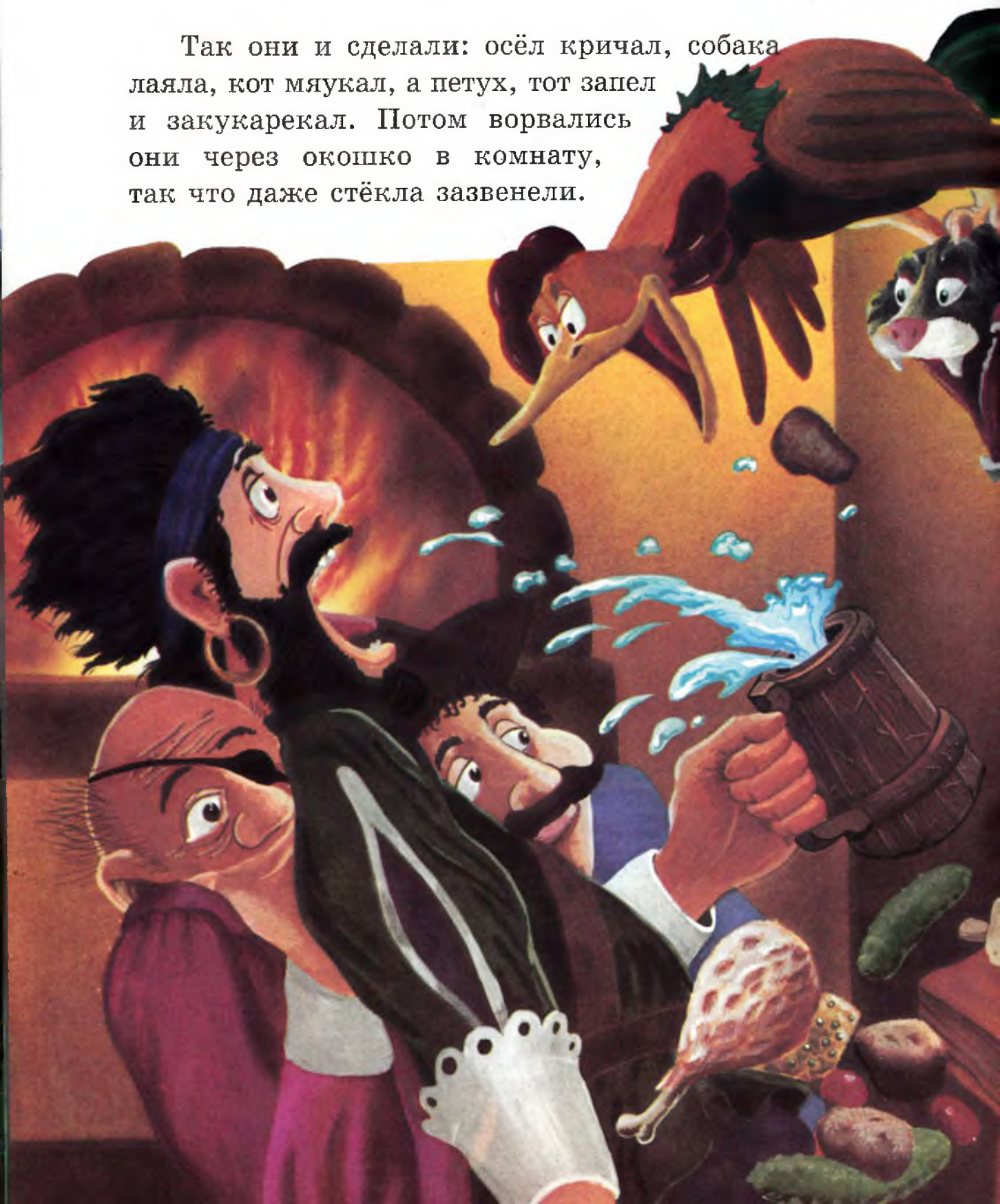

— Да, да, если бы только нам туда попасть! — сказал осёл.

Стали звери думать, как разбойников выгнать. И наконец нашли способ: осёл поставит передние ноги на окошко, собака прыгнет ослу на спину, кот взберётся на собаку, а петух взлетит коту на голову.

Так они и сделали: осёл кричал, собака лаяла, кот мяукал, а петух, тот запел и закукарекал. Потом ворвались они через окошко в комнату, так что даже стёкла зазвенели.

Услышав ужасный крик, разбойники повскакивали из-за стола и, решив, что к ним явилось какое-то привидение, кинулись в лес. Тогда четверо наших товарищей уселись за стол, и каждый принялся за то, что пришлось ему по вкусу из блюд, стоявших на столе.

Полужинав, четверо музыкантов погасили свет и устроились на нощлег. Осёл улёгся на навозной куче, собака легла за дверью, кот на шестке у горячей золы, а петух сел на насест. Устав с дороги, они вскоре уснули.

Разбойники издали заметили, что в доме свет не горит, всё как-будто спокойно. Тогда атаман сказал: — Нечего нам страху поддаваться, — и послал одного из своих людей в дом на разведку.

Посланный нашёл, что там всё тихо и спокойно. Он зашёл в кухню, чтобы зажечь свет. И показались ему сверкающие глаза кота горящими угольками, он ткнул в них серник, чтоб добыть огня. Но кот кинулся ему прямо в лицо, стал шипеть и царапаться.

Испугался разбойник и ну бежать через чёрную дверь. А собака за дверью лежала, вскочила она и укусила его за ногу. Пустился он через двор да мимо навозной кучи, тут и лягнул его осёл задним копытом. Проснулся от шума петух, да как закричит с насеста: «Кукареку!»

Побежал разбойник назад к атаману и говорит:

— Ох, там, в доме, ведьма засела, как дыхнёт она мне в лицо, как вцепится в меня своими длинными пальцами. А у двери стоит человек с ножом, как полоснёт он меня по ноге. А на дворе лежит чёрное чудище, как ударит оно меня своей дубинкой. А на крыше, на самом верху, судья сидит и кричит: «Тащите вора сюда!» Тут я еле-еле ноги унёс.

С той поры боялись разбойники в дом возвращаться, а четырём бременским музыкантам там так понравилось, что и уходить не захотелось.

А кто эту сказку последний сказал, всё это сам своими глазами видел.

Храбрый портняжка

Сднажды летним утром сидел портняжка у окна на своём столе для шитья — ему было весело, и он шил изо всех сил. Проходила по улице крестьянка, выкрикивая: «Варенье продаю! Хорошее варенье продаю!» Портняжке это слышать было приятно, он вытянул свою хилую шею в окошко и крикнул:

— Эй, голубушка, заходи-ка наверх, тут свой товар и продашь!

Женщина поднялась со своей тяжёлой корзиной к портному на третий этаж и стала развязывать перед ним все свои банки. Он все их оглядел, осмотрел, каждую поднял, пригляделся, понюхал и наконец сказал:

— Варенье, кажется, хорошее. Что ж, отвесь мне четыре лота, а то, пожалуй, и все четверть фунта возьму.

Женщина, понадеявшись сбыть немало своего товара, продала портному столько, сколько он просил, и ушла, ворча от досады.

— Ну, да благословит господь это варенье,— воскликнул портной,— и пошлёт мне бодрости и силы! — С этими словами он достал из шкафчика хлеб, открыл краюху и намазал её вареньем.

— Оно будет, пожалуй, недурно,— сказал он,— но сперва я закончу куртку, а потом уж как следует и поем.

Он положил кусок хлеба около себя и продолжал шить дальше. А запах сладкого варенья между тем разнёсся всюду по комнате, и множество мух, сидевших на стене, почуяли это и целым роем слетелись на хлеб.

— Эй, вы, кто вас сюда звал? — сказал портной и стал прогонять незваных гостей.

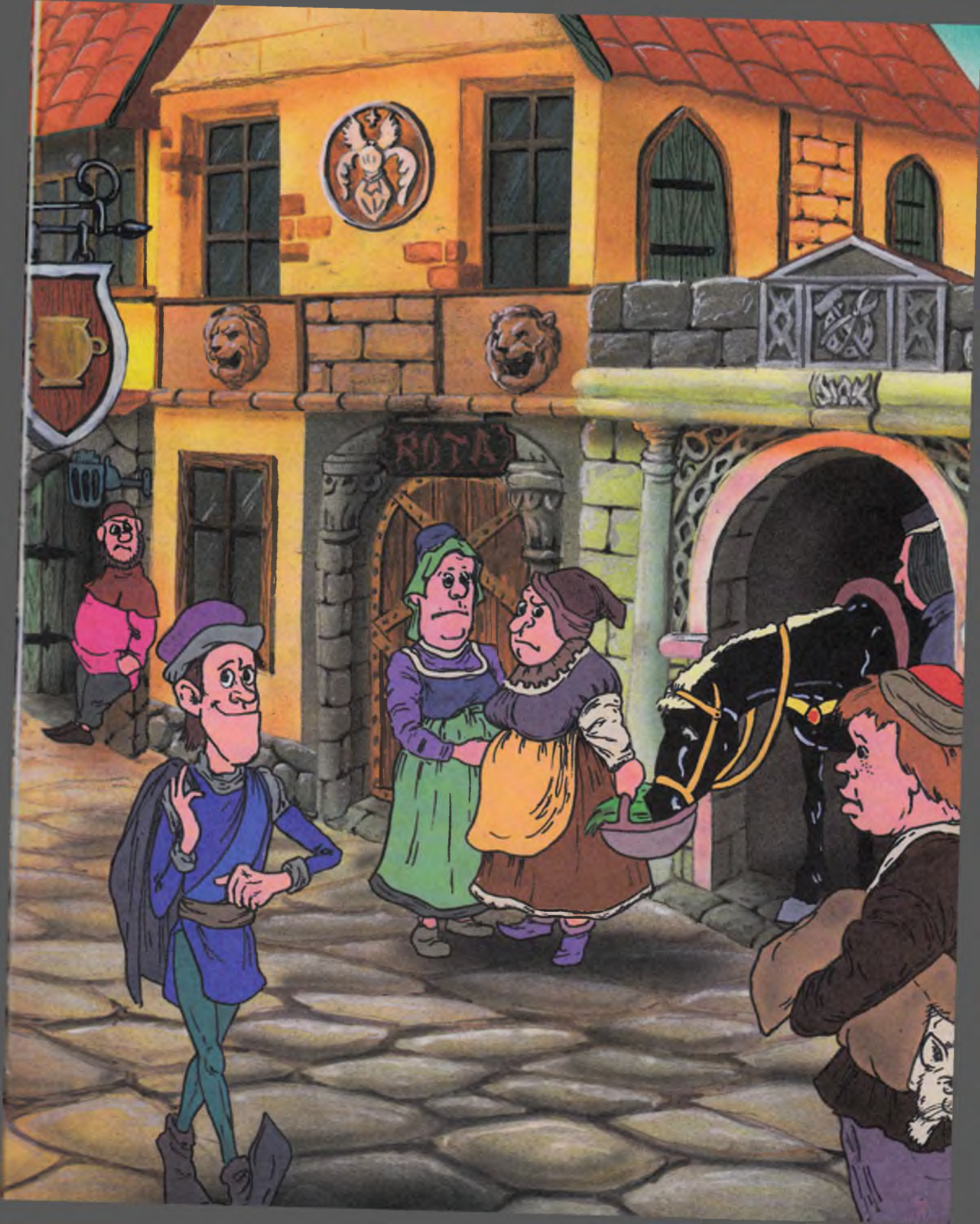
Но мухи немецкого языка не понимали, их налетело ещё больше. Тут у портняжки, как говорится, терпение наконец лопнуло, он схватил суконку и с криком: «Погодите, уж я вам задам!» — без всякой жалости хлопнул изо всей силы по мухам. Поднял он суконку, поглядел, сосчитал — и лежало перед ним, протянув ноги, не меньше чем семь убитых мух. «Вот я какой молодец! — сказал он и сам удивился своей храбрости. — Надо, чтоб об этом весь город узнал».

Тут выкроил портняжка наскоро пояс, стачал его и большими буквами вышил на нём: «Побил семерых одним махом». «Да что город,— продолжал он рассуждать дальше,— весь свет должен об этом узнать!» — И сердце его затрепетало от радости, как бараний хвост.

Подпоясавшись портной поясом и собравшись пуститься по белу свету, считая, что портняжная мастерская слишком тесна для его храбрости. Но, прежде чем отправиться в путь-дорогу, он стал шарить по всему дому, нет ли чего такого, что можно было бы с собой захватить, но не нашёл ничего, кроме головки старого сыра, и взял её с собой. У ворот он увидал птицу, что запуталась в кустах. Он поймал её и тоже сунул вместе с сыром в карман. Потом он смело двинулся в путь-дорогу, а был он лёгок да проворен и потому никакой усталости не чувствовал.

Путь привёл его к горе, и когда он взобрался на самую вершину, то увидел там огромного великана, который сидел и спокойно поглядывал кругом.

Портняжка смело подошёл к нему и спросил:

— Здравствуй, товарищ, ты что тут сидишь да разгляды-ваешь привольный и широкий свет? Я вот иду по белу свету странствовать, хочу попытать счастья, не пойдёшь ли и ты вместе со мной?

Великан презрительно поглядел на портного и сказал:

— Эх ты, жалкий оборванец!

— Как бы не так! — ответил портняжка, и он расстегнул свою куртку и показал великану пояс.— Вот, можешь сам прочесть, что я за человек!

Великан прочитал: «Побил семерых одним махом» — и подумал, что речь идёт о людях, которых убил портной, и почувствовал к этому маленькому человечку некоторое уважение. Но ему захотелось сначала его испытать.

Он взял камень в руку и сдавил его так, что из него потекла вода.

— Вот и ты попробуй так же,— сказал великан,— если силёнок у тебя хватит.

— Это и всё? — спросил портняжка.— Да это для меня пустяки! — И он полез в карман, достал оттуда головку мягкого сыра и сжал её так, что сок из неё потёк.

— Ну, что,— сказал он,— пожалуй, получше твоего будет?

Великан не знал, что ему и сказать,— от такого человечка он этого никак не ожидал. Поднял тогда великан камень и подбросил его вверх, да так высоко, что тот исчез из виду.

— Ну-ка ты, селезень, попробуй тоже.

— Что ж, брошено хорошо,— сказал портной,— но камень-то ведь опять на землю упал. А я вот брошу так, что он и назад не вернётся.— И он полез в карман, достал птицу и подбросил её вверх. Птица, обрадовавшись свободе, взлетела, поднялась высоко в небо и назад не вернулась.

— Ну а это как тебе понравится? — спросил портной.

— Бросаешь ты хорошо,— сказал великан,— но посмотрим, сумеешь ли ты нести большую тяжесть.— И он подвёл портняжку к огромному дубу, что лежал срубленный на земле, и сказал: — Ежели ты достаточно силён, то помоги мне вытащить дерево из лесу.

— Ладно,— ответил портной,— положи ствол к себе на плечи, а я понесу сучья и ветки: это потяжелей.

Великан взвалил ствол на плечи, а портной уселся на одну из веток, и пришлось великану, который оглянуться назад никак не мог, тащить всё дерево да в придачу ещё и портняжку.

От тяжёлой ноши великан скоро устал и крикнул: — Послушай, а дерево-то мне придётся бросить.

Тут портной проворно соскочил с ветки, схватил дерево обеими руками, будто нёс он его один, и сказал:

— Такой большой, а дерево-то нести не можешь.

Пошли они дальше вместе. Проходя мимо вишнёвого дерева, великан схватил его за верхушку, где были самые спелые вишни, нагнул её, дал портному и стал его угощать. Но портняжка удержать веток не смог, дерево поднялось, и портной взлетел в воздух. Он упал благополучно на землю, а великан и говорит:

— Что ж это ты, неужто ты не в силах удержать такой маленький прутик?

— Силы-то у меня хватит, — ответил портняжка, — это просто я через дерево прыгнул, ведь охотники стреляют по кустам. А ну, прыгни-ка ты так, если можешь.

Великан попробовал, но перепрыгнуть не смог и повис на ветвях. Портняжка опять одержал верх.

И сказал великан:

— Если ты уж такой храбрец, то пойдём вместе со мной в нашу пещеру, там и заночуешь.

Портняжка согласился и отправился вслед за великаном. Подошли они к пещере, глядь — сидят там у костра и другие великаны, и у каждого из них в руке по жареной овце, и каждый её ест.

Великан указал ему постель. Но постель для портняжки была слишком велика, он не лёг в неё, а забрался в самый угол. В полночь великан, думая, что портняжка крепко спит, поднялся, взял большой железный лом и одним ударом разломал кровать надвое, думая, что этого кузнечика он уже истребил.

Ранним утром великаны ушли в лес, а о портняжке и позабыли, и вдруг он выходит, весёлый и бесстрашный, им навстречу. Тут великаны испугались и бросились наутёк.

А портняжка двинулся дальше, куда глаза глядят. Долго он странствовал и наконец, почувствовав усталость, прилёг на траве возле королевского дворца и уснул. В это время люди стали его разглядывать и прочли у него на поясе: «Побил семерых одним махом».

— Ох, — сказали они, — чего же хочет этот знатный герой здесь в мирное время? Это, должно быть, какой-нибудь важный человек.

Они пошли и объявили об этом королю, полагая, что на случай войны такой человек пригодится и отпускать его ни в коем случае не следует. Совет королю понравился, и он послал к портняжке своего придворного с предложением поступить к королю на военную службу. Тот подошёл к спящему, подождал, пока он открыл глаза, и только тогда изложил ему королевское поручение.

— Я затем сюда и явился, — ответил портной. — Что ж, я готов поступить к королю на службу.

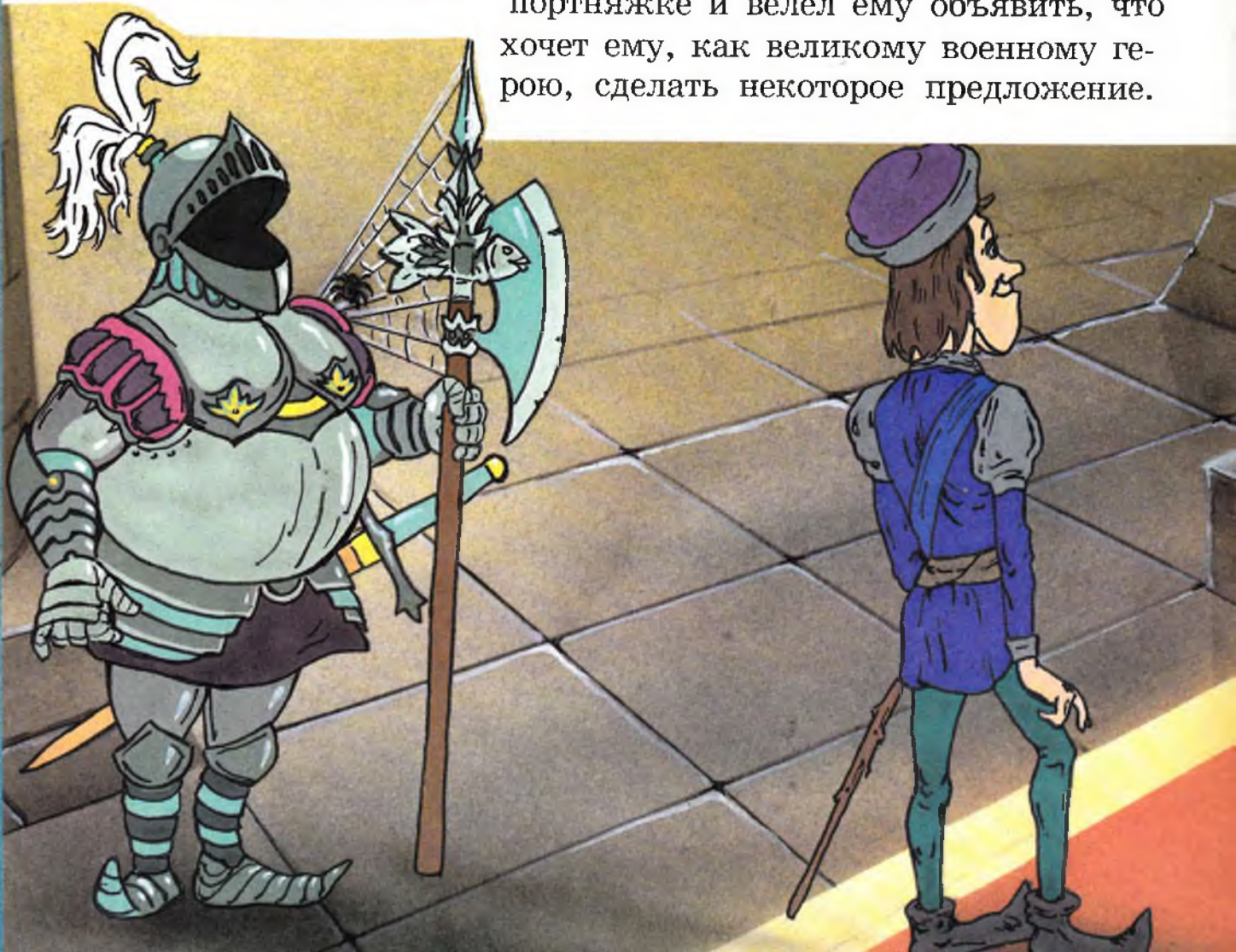

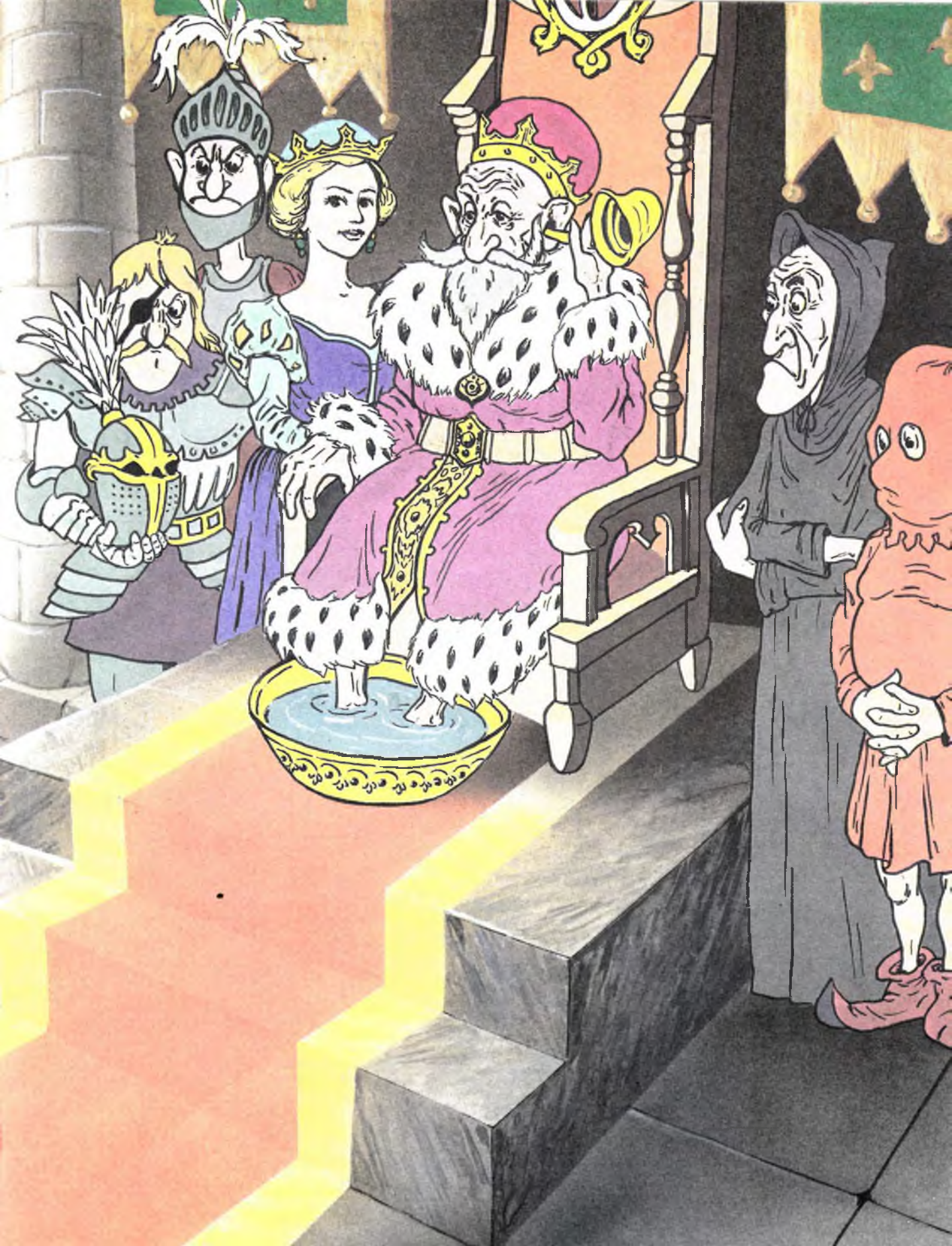
Его приняли с почестями и отвели ему особое помещение. Но королевским воинам хотелось сбыть его куда-нибудь подальше. «Что будет, — говорили они, — если мы с ним поссоримся? Он, чего доброго, на нас набросится и побьёт семерых одним махом».

И они отправились к королю просить отставку.

— Где уж нам устоять, — сказали они, — рядом с человеком, который побивает семерых одним махом?

Опечалился король, что приходится терять всех своих верных слуг, и захотелось ему поскорей от портного избавиться. Но король не решился дать ему отставку: он боялся, что тот убьёт его, а заодно и придворных, и займёт его трон. Долго он раздумывал и портняжке и велел ему объявить, что хочет ему, как великому военному герою, сделать некоторое предложение.

В одном из лесов королевства поселились два великана, они своими грабежами и разбоями великий вред учиняют, и никто не осмеливается к ним приблизиться. Так вот, если портняжка этих двух великанов одолеет и убьёт, то отдаст он ему свою единственную дочь в жёны и в приданое полкоролевства. А поедут с ним сто всадников на подмогу.

«Это было б неплохо для такого, как я,— подумал портняжка,— заполучить себе в жёны красавицу королевну да ещё полкоролевства в придачу».

— О да! — сказал он в ответ.— Великанов этих я одолею, и сотни всадников мне для этого не надо — кто одним махом семерых побивает, тому двоих бояться нечего.

И вот пустился портняжка в поход, и ехала следом за ним сотня всадников. На лесной опушке он сказал провожатым:

— Вы оставайтесь здесь, а я уж расправлюсь с великанами один на один.— И он шмыгнул в лес, поглядывая по сторонам.

Вскоре он увидел двух великанов. Они спали под деревом и при этом храпели так, что даже ветки качались.

Портняжка набил карманы камнями, взобрался на дерево и стал сбрасывать одному из них на грудь камень за камнем. Великан долго ничего не замечал, но наконец проснулся, толкнул приятеля в бок и говорит:

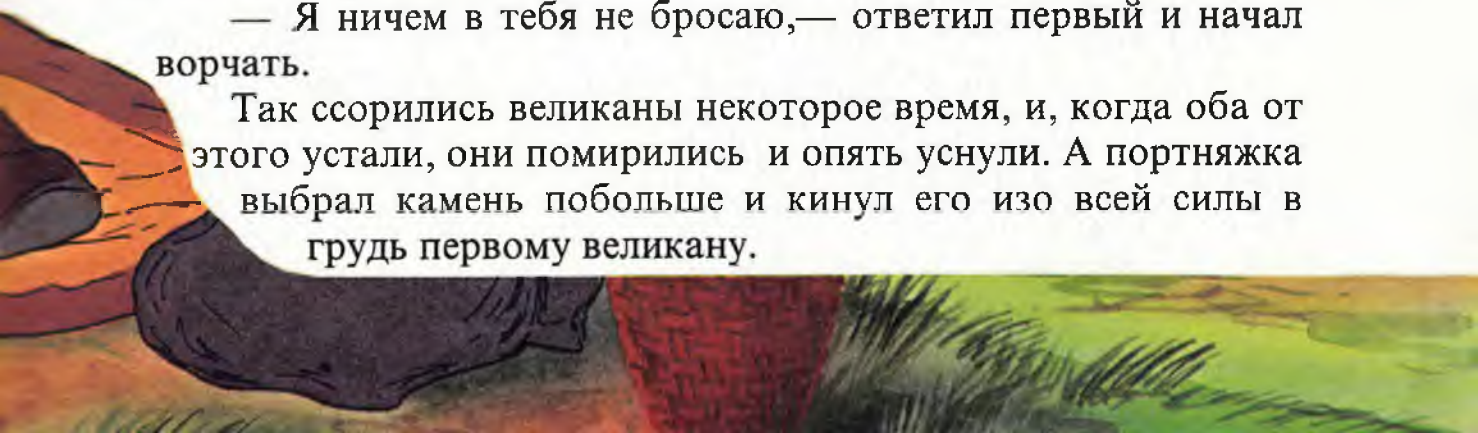
— Ты чего меня бьёшь?

— Да это тебе приснилось,— ответил ему тот,— я тебя вовсе не бью.— И они опять улеглись спать. А портной вынул камень и сбросил его на второго великана.

— Что это? — воскликнул второй.— Ты чем в меня бросаешь?

— Я ничем в тебя не бросаю,— ответил первый и начал ворчать.

Так ссорились великаны некоторое время, и, когда оба от этого устали, они помирились и опять уснули. А портняжка выбрал камень побольше и кинул его изо всей силы в грудь первому великану.

— Это уж чересчур! — закричал тот и как толкнёт своего приятеля. Второй отплатил ему той же монетой, и они так разъярились, что стали вырывать с корнем деревья и бить ими друг друга, пока наконец оба не упали замертво.

Тут портняжка спрыгнул с дерева. Он вытащил свой меч и изо всех сил ударил обоих великанов в грудь, потом вышел из лесу к всадникам и сказал:

— Я прикончил их. Они вырывали деревья из земли, чтобы защититься, но им это не помогло, развился тот, кто семерых одним махом побивает.

— А вы не ранены? — спросили всадники.

— Обошлось благополучно, — ответил портной.

Портняжка потребовал от короля обещанной награды, но тот стал придумывать, как избавиться от героя.

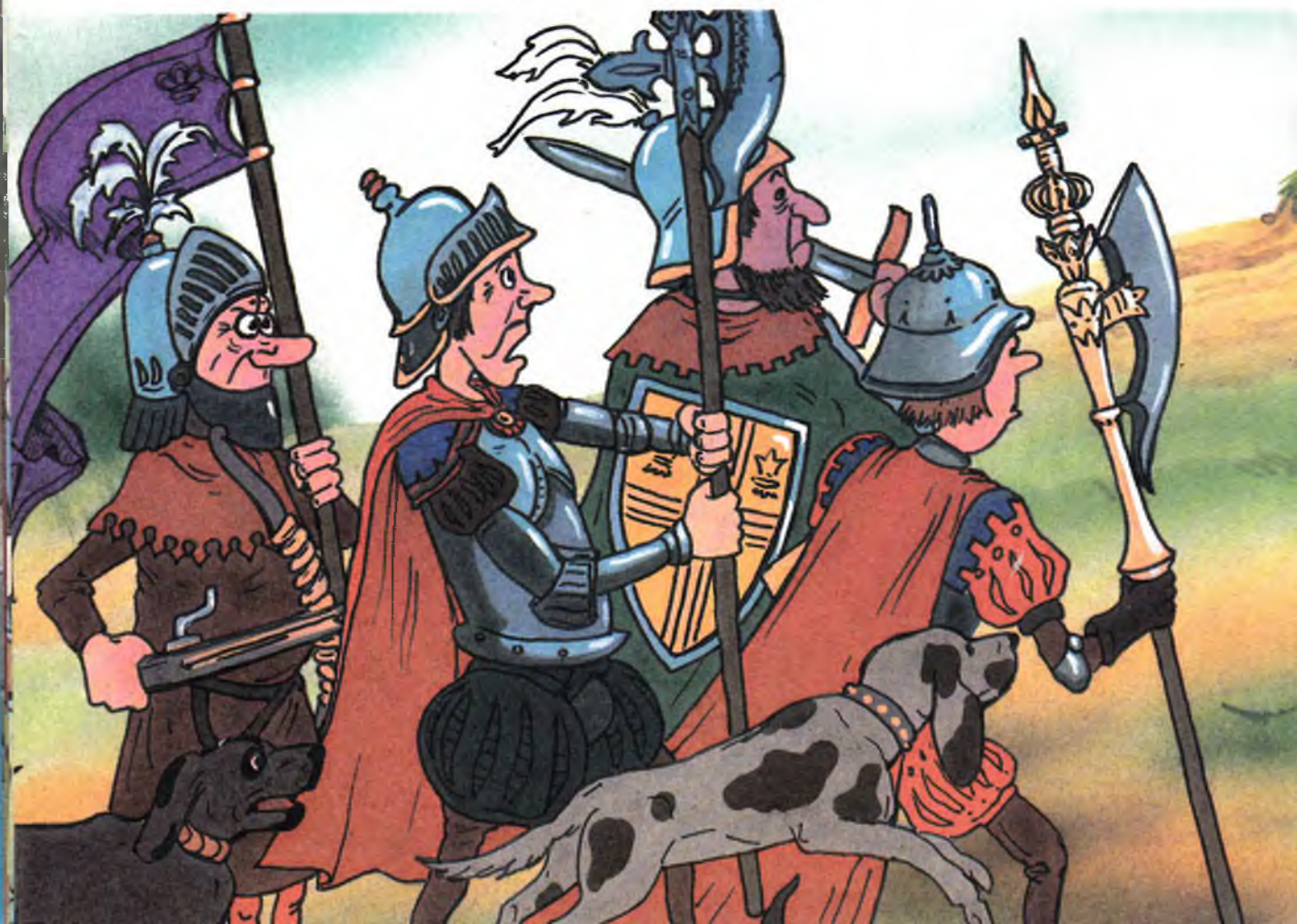
— Ты должен совершить ещё один подвиг. Живёт в лесу зловредный единорог, его надо поймать.

— Единорога я боюсь ещё меньше, чем двух великанов. Семерых одним махом — дело как раз по мне.

Взял он верёвку, топор и пошёл в лес. Вскоре единорог явился и кинулся прямо на портного.

— Потихе, — сказал портной. Он подождал, пока зверь подойдёт поближе, потом проворно прыгнул за дерево. Единорог изо всех сил вонзил свой рог в ствол, да так крепко, что не мог вытащить его назад.

— Теперь-то птичка в моих руках, — сказал портной, накинул единорогу на шею верёвку, отрубил ему рог, что застрял в дереве, и привёл его к королю.

Но король и теперь не хотел дать ему обещанной награды и выставил третье требование. Должен был портной поймать дикого вепря, что наносит лесу большой вред, и должны в этом деле ему помочь егеря.

— Ладно,— ответил портной,— это для меня детская забава!

Егерей с собой он не взял, и они остались этим очень довольны, потому что дикий вепрь не раз встречал их так, что у них пропала охота за ним гоняться.

Вепрь заметил портного и кинулся на него. Но ловкий герой вскочил в часовню, что находилась поблизости, и мигом выпрыгнул оттуда через окошко. Вепрь вбежал следом, а портной обежал вокруг часовни и захлопнул дверь — тут лютый зверь и поймался.

Созвал портной егерей, чтобы те собственными глазами увидели зверя, и пошёл к королю. И тому пришлось отдать ему дочь и полкоролевства в придачу.

И вот стал портной королем. Спустя некоторое время услышала ночью молодая королева, как супруг во сне разговаривает: «Малый, а ну-ка сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то отдую тебя аршином». Тут и догадалась она, из какого переулка родом этот молодчик. Рассказала о своём горе отцу и стала просить его, чтобы избавил её от такого мужа — ведь оказался он простым портным. Король ей сказал:

— В эту ночь ты опочивальню свою не запирай, мои слуги будут стоять у дверей, и, когда он заснёт, они войдут, свяжут его, и будет он отвезён в дальние земли.

Но королевский оруженосец, который всё это слышал и был молодому королю предан, рассказал ему об этом замысле.

— Я с этим делом управлюсь,— сказал портняжка.

Вечером он улёгся в обычное время в постель со своей женой. Она подумала, что он уже спит, встала, открыла дверь и легла опять в постель. А портняжка притворился спящим и начал громко кричать: «Малый, сшей мне куртку да заштопай штаны, а не то я отдую тебя аршином! Я побил семерых одним махом, двух великанов убил, увёл из лесу единорога и поймал дикого вепря — мне ли бояться тех, кто стоит за дверью!»

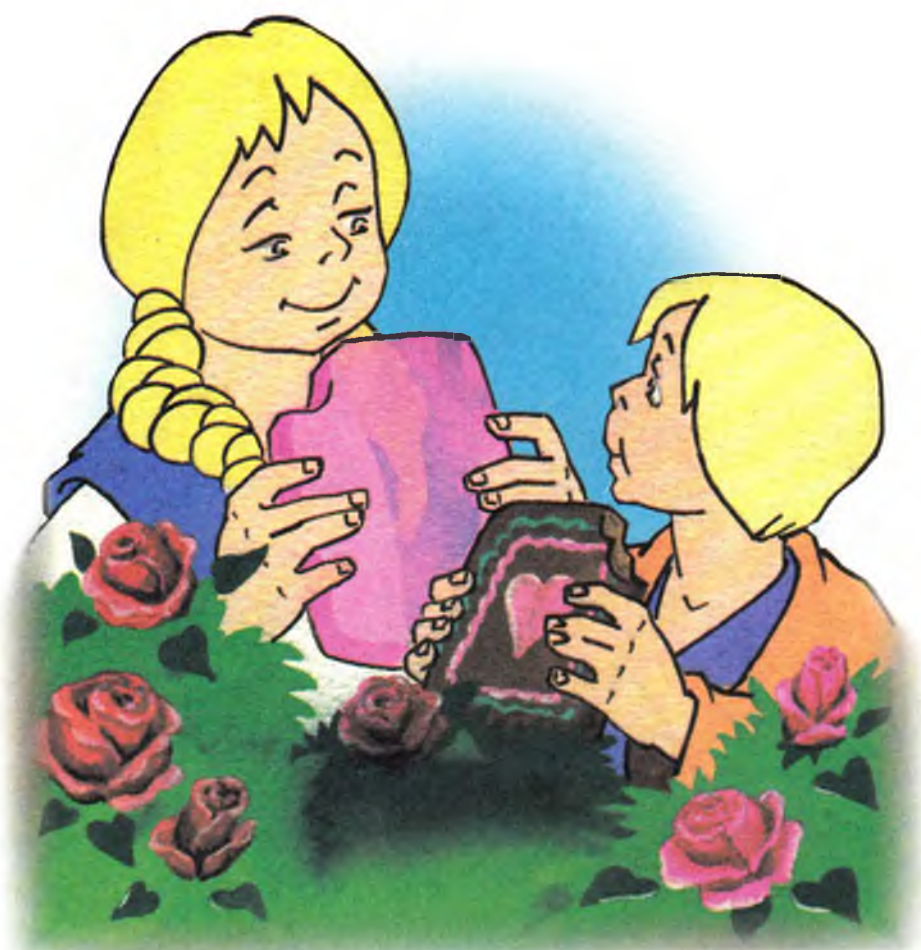
Услыхали слуги, что говорит портной, и убежали прочь.

И никто уже с той поры больше не отваживался трогать портного.

И портняжка королём так на всю свою жизнь и остался.

ГЕНЗЕАЬ И ГРЕТЕАЬ

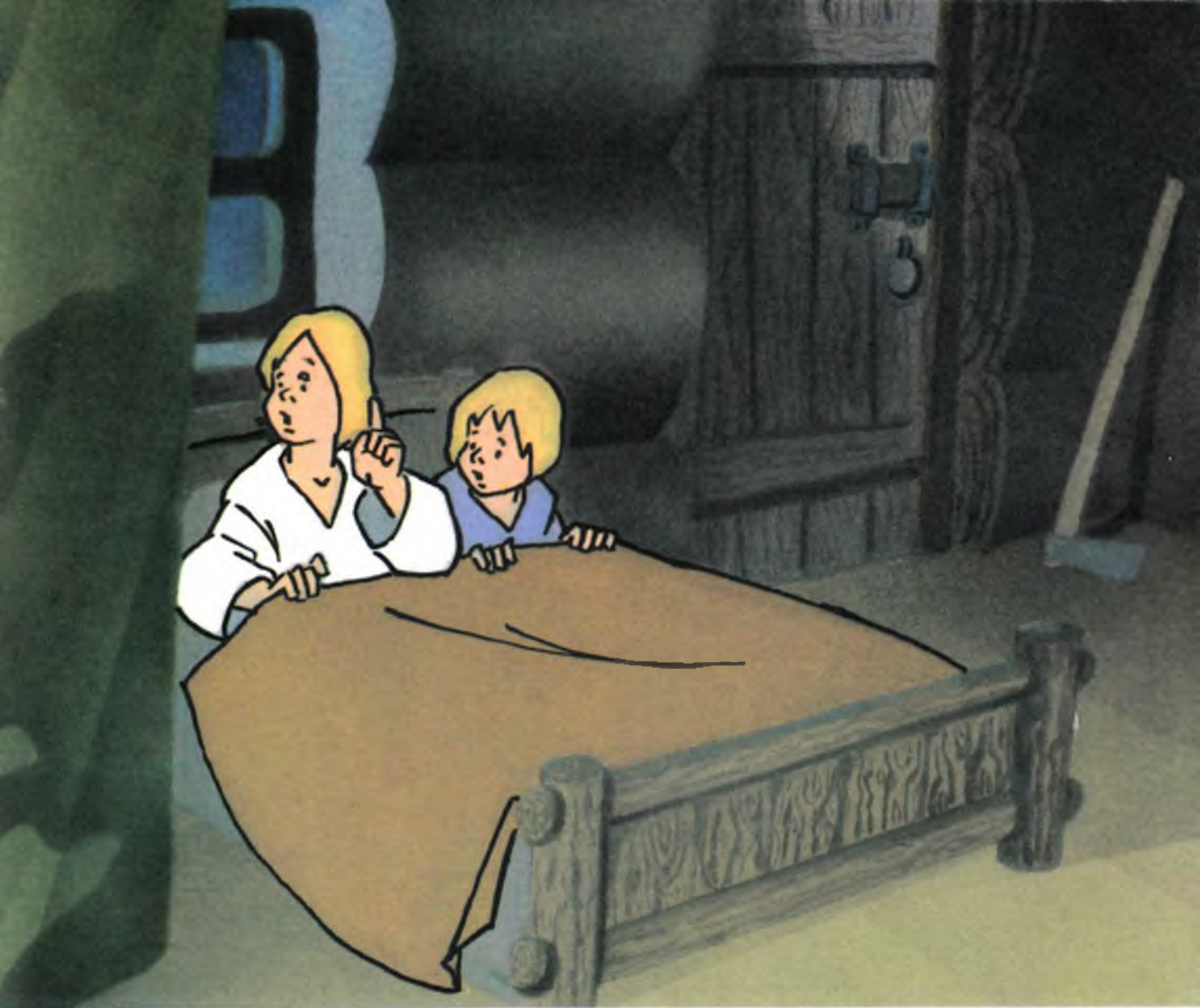

Жил на опушке дремучего леса бедный дровосек со своей женой и двумя детьми; мальчика звали Гензель, а девочку — Гретель. Наступила такая дороговизна, что невозможно стало купить даже хлеба.

И вот, под вечер, лёжа в постели, говорит он жене:
— Что же теперь будет с нами? Как нам прокормить бедных детей, нам-то ведь и самим есть нечего!

— А знаешь что, — отвечала жена, — давай-ка пораньше утром заведём детей в лес и оставим одних.

— Нет,— говорит дровосек,— я детей бросить в лесу не могу, на них нападут дикие звери и разорвут.

— Эх ты, простофиля! — говорит жена.— Ведь иначе мы все вчетвером с голоду пропадём.— И она донимала его до тех пор, пока он с ней не согласился.

Дети от голода не могли уснуть и слышали всё, что говорила мачеха. Залилась Гретель горькими слезами и говорит Гензелю:

— Видно, нам теперь пропадать придётся.

— Тише, Гретель,— сказал Гензель,— не горюй, я уж что-нибудь да придумаю.

И вот когда родители уснули, он встал, надел свою курточку, отворил дверь в сени и тихонько выбрался на улицу. На ту пору ярко светила луна, и белые камешки, лежавшие перед избушкой, блестели, словно груды серебряных монет.

Гензель нагнулся и набил ими полный карман. Потом вернулся он домой и говорит Гретель:

— Утешься, милая сестрица, Господь нас не оставит.— И с этими словами он снова улегся в постель.

Только стало светать, еще и солнышко не всходило, а мачеха уже подошла и стала будить детей:

— Эй вы, лежебоки, пора подниматься, собирайтесь-ка с нами в лес за дровами!

Дала она каждому по кусочку хлеба и говорит:

— Вот это вам на обед; да смотрите не съешьте его раньше времени, больше ничего не получите.

Гретель спрятала хлеб в свой передник — ведь у Гензеля карман был полон камней. И они отправились в лес. Прошли они немного, а Гензель всё время оглядывался и останавливался. Отец ему и говорит:

— Гензель, не зевай, иди побыстрей.

— Ах, батюшка,— ответил ему Гензель,— я всё гляжу на свою белую кошечку, вон сидит она на крыше, будто хочет сказать мне «прощай».

А мачеха и говорит:

— Эх, дурень ты, это солнце блестит на трубе.

Гензель вовсе и не на кошечку смотрел, а доставал из кармана и бросал на дорогу блестящие камешки.

Вот вошли они в самую чащу леса, а отец и говорит:

— Ну, дети, собирайте теперь хворост, а я разведу костер, чтобы вы не озябли.

Гензель и Гретель собрали целую кучу хворосту. Разожгли костёр. Когда пламя хорошо разгорелось, мачеха говорит:

— Ну, детки, ложитесь теперь у костра да отдохните как следует, а мы пойдём в лес дрова рубить. Как кончим работу, вернёмся и возьмём вас домой.

Сели Гензель и Гретель у костра, и когда наступил полдень, каждый из них съел по кусочку хлеба.

Долго сидели они у костра, пока не уснули. А когда проснулись, была глухая ночь. Заплакала Гретель:

— Как же нам теперь выбраться из лесу?

Стал Гензель её утешать:

— Погоди, взойдёт луна, и мы найдём дорогу.

Когда взошла луна, взял Гензель сестрицу за руку и пошёл от камешка к камешку,— а сверкали они словно новые серебряные денёжки и указывали детям путь-дорогу. Они шли всю ночь напролёт и подошли на рассвете к отцовской избушке.

Они постучались, мачеха открыла им дверь; видит она, что это Гензель и Гретель, и говорит:

— Что же это вы, скверные дети, так долго спали в лесу? А мы уж думали, что вы назад вовсе не хотите возвращаться.

Обрадовался отец, увидя детей— было у него на сердце тяжело, что бросил он их одних.

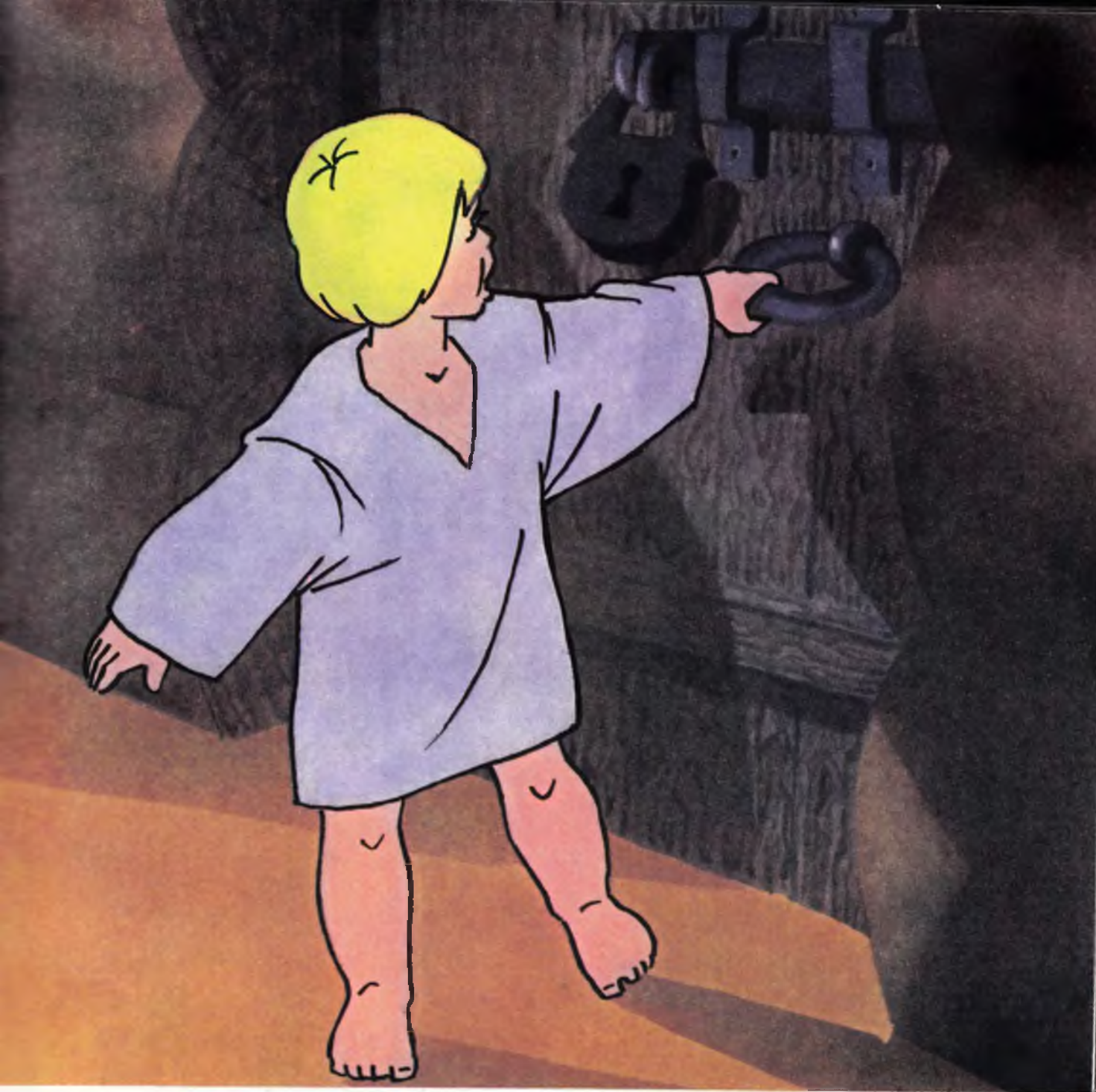

А вскоре опять наступили голод и нужда, и дети услышали, как мачеха ночью, лежа в постели, говорила отцу:

— У нас опять всё уже съедено, осталось только полкраюхи хлеба, видно, нам скоро конец придёт. Надо бы нам от детей избавиться: давай заведём их в лес подальше, чтоб не найти им дороги назад,— другого выхода у нас нет.

Тяжко стало на сердце у дровосека. И вот — плохое начало к недоброму концу — уступил он раз, пришлось ему и теперь согласиться.

Дети еще не спали и слышали весь разговор. И только родители уснули, Гензель опять поднялся.

Он хотел собрать камешки, как в прошлый раз, но мачеха заперла дверь, и Гензель выйти из хижины не смог.

Он стал утешать свою сестрицу и говорит:

— Не плачь, Гретель, Бог нам поможет.

Ранним утром мачеха подняла детей с постели. Дала им хлеба ещё меньше, чем в первый раз. По дороге Гензель крошил хлеб и бросал крошки на дорогу.

— Что это ты, Гензель, останавливаешься да оглядываешься, — сказал отец, — ступай своей дорогой.

— Да это я смотрю на своего голубка, вон сидит он на крыше дома, будто со мной прощается.

— Дурень ты, — сказала мачеха, — это не голубь, это утреннее солнце блестит на верхушке трубы.

А Гензель всё бросал и бросал на дорогу хлебные крошки. Вот завела мачеха детей ещё глубже в лес. Развели опять большой костер, и говорит мачеха:

— Детки, садитесь тут да поспите маленько; мы пойдём по дрова, а к вечеру вернёмся и заберём вас.

В полдень поделилась Гретель своим хлебом с Гензелем. Потом они уснули. А когда проснулись, стал Гензель утешать сестрицу:

— погоди, Гретель, луна взойдёт, и станут видны хлебные крошки, они укажут нам дорогу домой.

Вот взошла луна, и дети отправились в путь-дорогу, но хлебных крошек не нашли — птицы все их поклевали. Тогда Гензель и говорит сестре:

— Мы уж как-нибудь да найдём дорогу.

Но они её не нашли. Пришлось им идти целую ночь и весь день, с утра и до самого вечера, но выбраться из лесу они не могли. Они так устали, что прилегали под деревом и уснули.

На третий день они заметили на ветке красивую белоснежную птичку. Она пела так хорошо, что они заслушались её пением. Вдруг птичка умолкла и, взмахнув крыльями, полетела перед ними, а они пошли следом, пока не добрались до избушки, где птичка уселась на крыше. Подошли они ближе, видят — сделана избушка из хлеба, крыша на ней из пряников, а окошки все из прозрачного леденца.

— Вот мы за неё и примемся,— сказал Гензель,— и то-то будет у нас славное угощение! Я отъем кусок крыши, а ты, Гретель, возмись за окошко — оно, должно быть, очень сладкое.

Взобрался Гензель на избушку и отломил кусочек крыши, чтоб попробовать, какая она на вкус, а Гретель подошла к окошку и начала его грызть. Вдруг послышался изнутри чей-то тоненький голосок:

Хруп да хрум всё под окном,
Кто грызет и гложет дом?

Дети ответили:

Это гость чудесный,
Ветер поднебесный!

И, не обращая внимания, они продолжали объедать домик.

Вдруг открывается дверь, и выходит, опираясь на костыль, старая-престарая бабка. Покачала старуха головой и говорит:

— Э, милые детки, кто это вас сюда привёл? Ну, милости просим, входите, худо вам тут не будет.

Она взяла их за руки и ввела в избушку. Принесла им вкусной еды — молока с оладьями, посыпанными сахаром, яблок и орехов. Потом постелила две красивые постельки и накрыла белыми одеялами.

Но старуха была на самом деле злой ведьмой, что подстерегает детей, и избушку из хлеба построила для приманки. Кто попадал к ней в руки, того она убивала, потом варила и съедала.

Рано поутру она встала, посмотрела, как они спят спокойно да какие у них пухлые и румяные щёчки, и пробормотала про себя: «То-то приготовлю я себе лакомое блюдо».

Она схватила Гензеля своею костлявой рукой, унесла его в хлев и заперла там. Потом пошла к Гретьель, растолкала её, разбудила и говорит:

— Вставай, лентяйка, да притащи мне воды, свари своему брату что-нибудь вкусное, пускай хорошенько откармливается. А когда разжиреет, я его съем.

Залилась Гретель горькими слезами, но — что делать? — пришлось ей исполнить приказание ведьмы.

И вот были приготовлены для Гензеля самые вкусные блюда, а Гретель достались одни лишь объедки.

По утрам подбиралась старуха к хлеву и говорила: — Гензель, протяни-ка мне свои пальцы, я хочу посмотреть, достаточно ли ты разжирел.

Но Гензель протягивал косточку, и старуха, у которой были слабые глаза, удивлялась, что он не жиреет.

Так прошло четыре недели, но Гензель оставался худым, — тут старуха потеряла всякое терпение.

— Эй, Гретель, — крикнула она девочке, — принеси-ка воды: всё равно — жирён ли Гензель или тощ, а уж завтра утром я его заколю и сварю.

Ох, как горевала бедная сестрица, когда пришлось ей таскать воду, как текли у ней слёзы по щекам!

— Господи, да помоги же ты нам! — воскликнула она. — Лучше бы нас растерзали дикие звери в лесу.

Рано поутру Гретель должна была встать, выйти во двор, повесить котёл с водой и развести огонь.

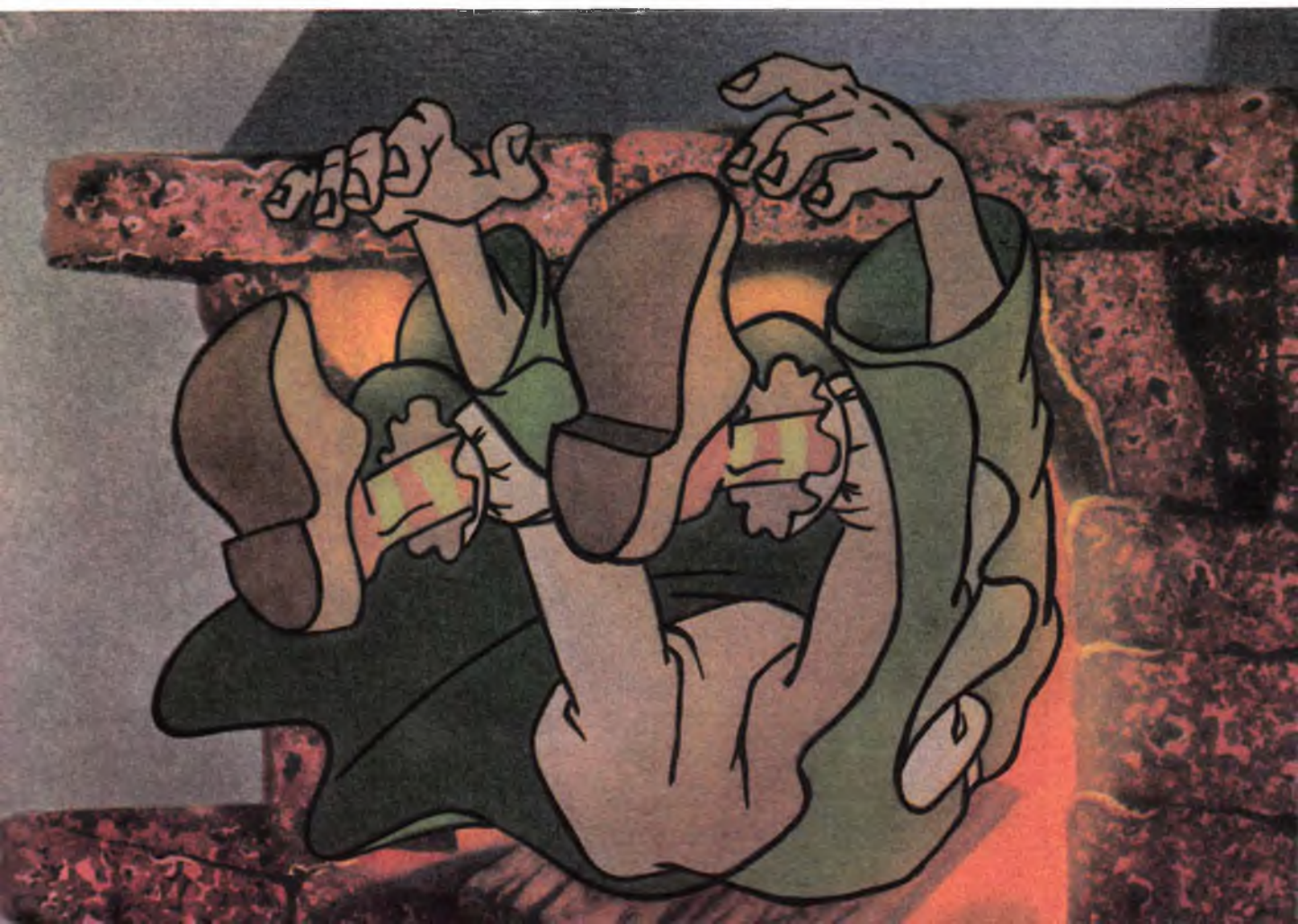
— Сначала мы испечём хлеб,— сказала старуха,— я уже истопила печь и замесила опару. Полежай в печь да погляди, хорошо ли она натоплена, не пора ли хлебы сажать?

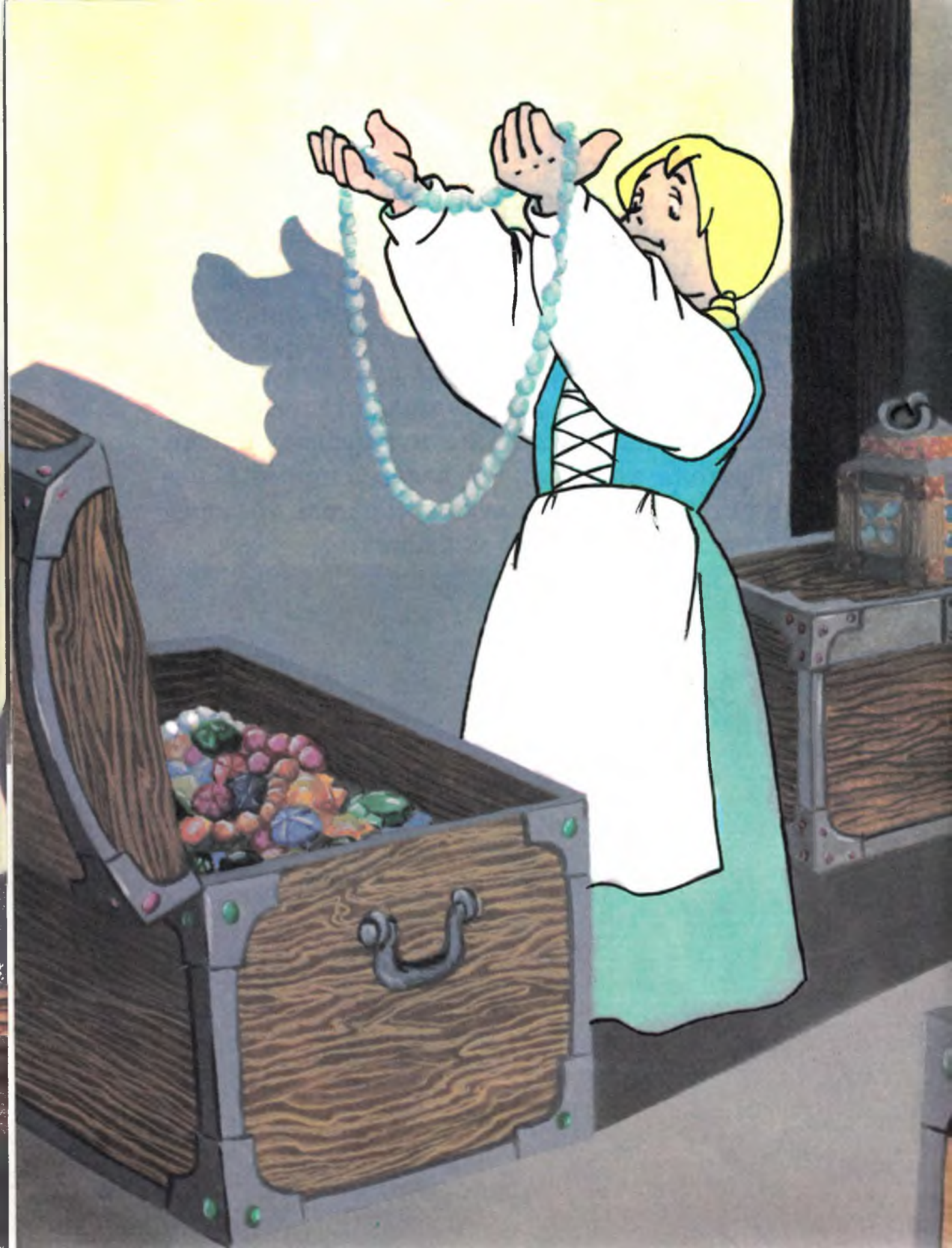
Гретель догадалась, что затевает старуха, и говорит:

— Да я не знаю, как мне туда пролезть-то?

— Вот глупая гусыня,— сказала старуха,— смотри.— Взобралась на шесток и сунула голову в печь.

Тут Гретель как толкнёт ведьму прямо в печь. У-ух, как страшно завывала ведьма! Гретель убежала, а ведьма сгорела в страшных мучениях.

Бросилась Гретель к брату и крикнула:

— Гензель, мы спасены: старая ведьма погибла!

Как обрадовались они, как крепко целовались! Вошли они в ведьмину избушку и увидели там всюду ларцы с жемчугами и драгоценными камнями.

— Эти будут лучше наших камешков,— сказал Гензель и набил ими карманы. А Гретель говорит:

— Мне тоже хочется что-нибудь принести домой,—и насыпала их полный передник.

— Ну а теперь бежим отсюда,— сказал Гензель.

Вот прошли они так часа два и набрали наконец на небольшое озеро.

— Не перебраться нам через него,— говорит Гензель,— нигде не видать ни тропинки, ни моста.

— Да и лодочки не видно,— ответила Гретель,— а вон плывёт белая уточка; если я её попрошу, она поможет нам переправиться на другой берег.

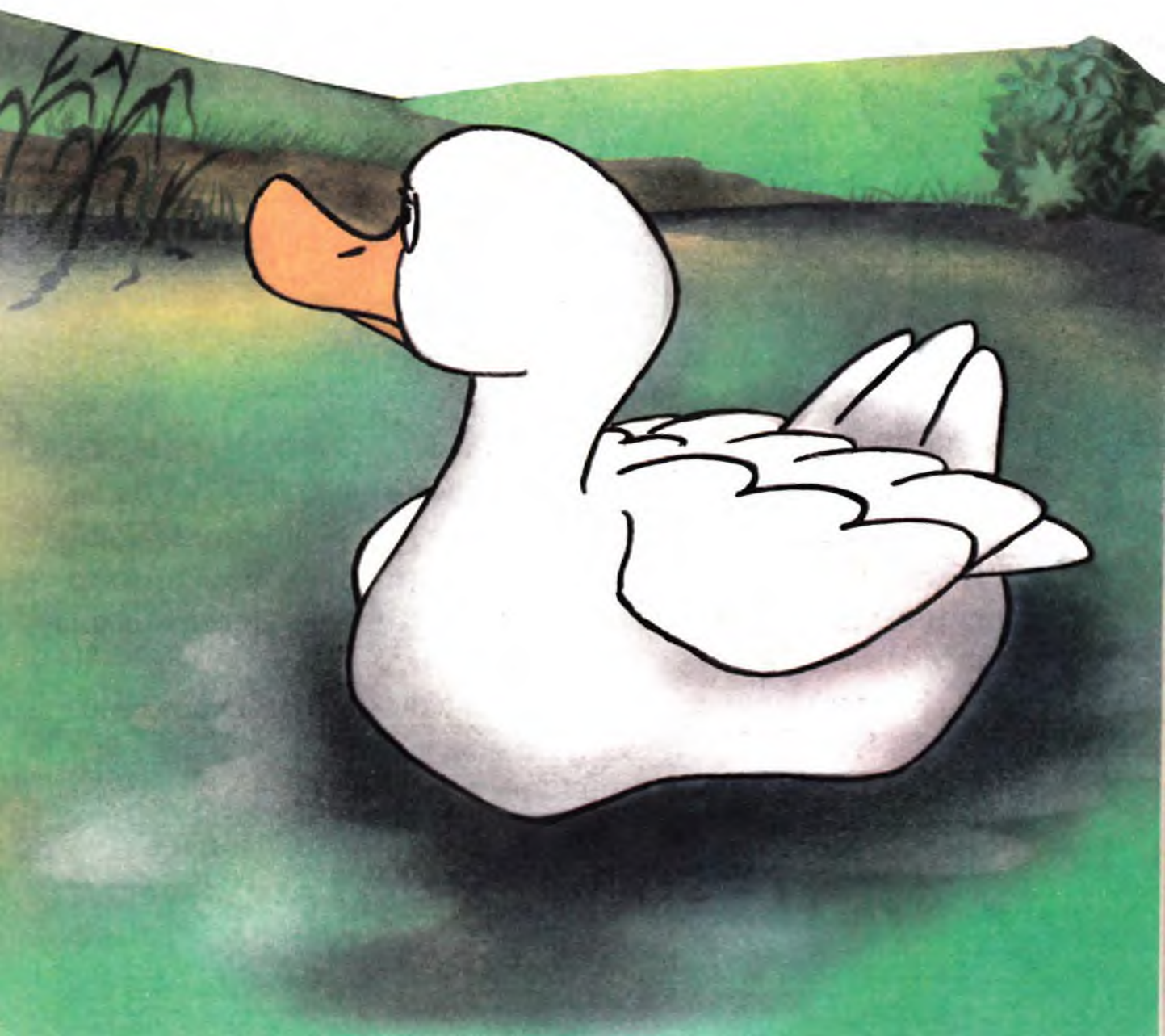
И кликнула Гретель:

Утя, моя уточка,
Подплыви к нам чуточку,
Нет дорожки, ни моста,
Переправь нас, не оставь!

Подплыла уточка, сел на неё Гензель и позвал сестрицу, чтобы и она села вместе с ним.

— Нет,— ответила Гретель,— уточке будет слишком тяжело; пускай перевезёт она сначала тебя, а потом и меня.

Так добрая уточка и сделала, и когда они счастливо переправились на другой берег и пошли дальше, то заметили наконец издали отцовский дом. Тут на радостях они пустились бежать, заскочили в комнату и бросились отцу на шею.

С той поры, как отец бросил детей в лесу, не было у него ни минуты радости, а жена его померла. Раскрыла Гретель передник, и рассыпались по комнате жемчуга и драгоценные камни, а Гензель доставал их из кармана целыми пригоршнями.

И настал конец их нужде, и зажили они счастливо.

Тут и сказке конец идёт,
А вон мышка бежит вперёд;
Кто поймает её, тот
Сошьёт себе шапку меховую,
Да большую-пребольшую.

Принцесса на горошине

Жил-был принц, и хотелось ему взять за себя тоже принцессу, только настоящую. Вот он и объездил весь свет. А такой что-то не находилось. Принцесс-то было вволю, да были ли они настоящие? До этого он никак добраться не мог; так и вернулся домой ни с чем и очень горевал, — уж очень ему хотелось достать настоящую принцессу.

Раз вечером разыгралась непогода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил как из ведра; ужас что такое!

Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошёл отворять.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на что она была похожа! Вода бежала с её волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она всё-таки уверяла, что она настоящая принцесса!

“Ну, уж это мы узнаем!” — подумала старая королева, но не сказала ни слова и пошла в спальню. Там она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину; поверх горошины постлала двадцать тюфяков, а ещё сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром её спросили, как она почивала.

— Ах, очень дурно! — сказала принцесса. — Я почти глаз не сомкнула! Бог знает что у меня была за постель! Я лежала на чём-то таком твёрдом, что у меня всё тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то все и увидали, что она была настоящей принцессой! Она почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, — такой деликатною особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь он знал, что берёт за себя настоящую принцессу!

А горошину отправили в кунсткамеру; там она и лежит, если только никто её не украл.

Знай, что история эта истинная!

Пастушка и трубочист

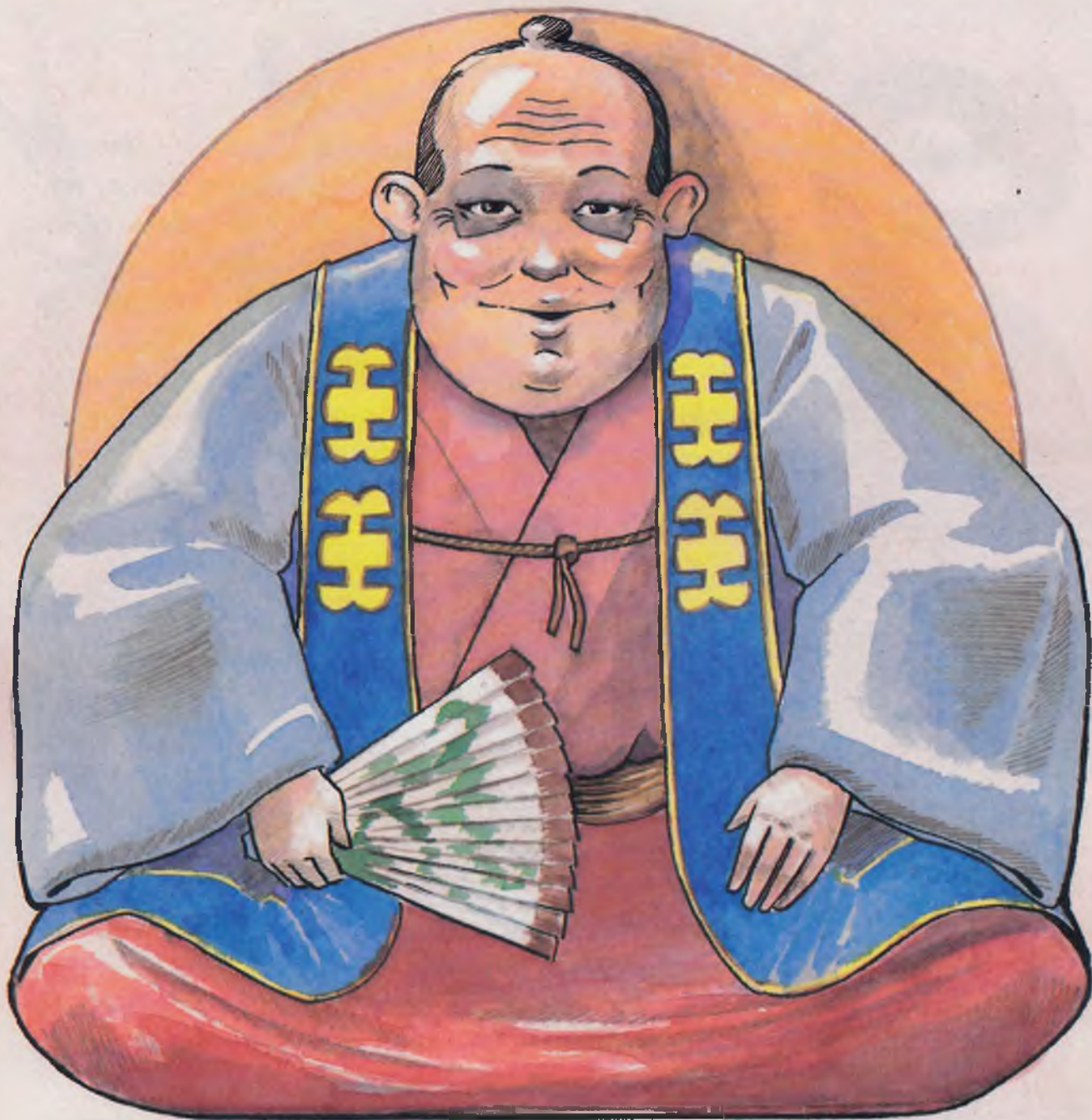

Видали ли вы когда-нибудь старинный-старинный шкаф, почерневший от времени и весь изукрашенный резьбой в виде разных завитушек, цветов и листьев? Такой вот точно шкаф — наследство после прабабушки — и стоял в комнате. Он был весь покрыт резьбой — розами, тюльпанами и самыми причудливыми завитушками. Между ними высывались маленькие оленьи головы с ветвистыми рогами, а по самой середине был вырезан целый человечек. На него невозможно было глядеть без смеха, да и сам он преуморительно скалил зубы — такую гримасу уж никак не назовешь улыбкой! У него были козлиные ноги, маленькие рожки на лбу и длинная борода. Дети звали его обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног! Трудно выговорить такое имя, и немногие устаиваются подобного титула, зато и вырезать такую фигурку стоило немалого труда. Ну, да все-таки вырезали! Он вечно глядел на подзеркальный столик, где стояла прелестная фарфоровая пастушка.

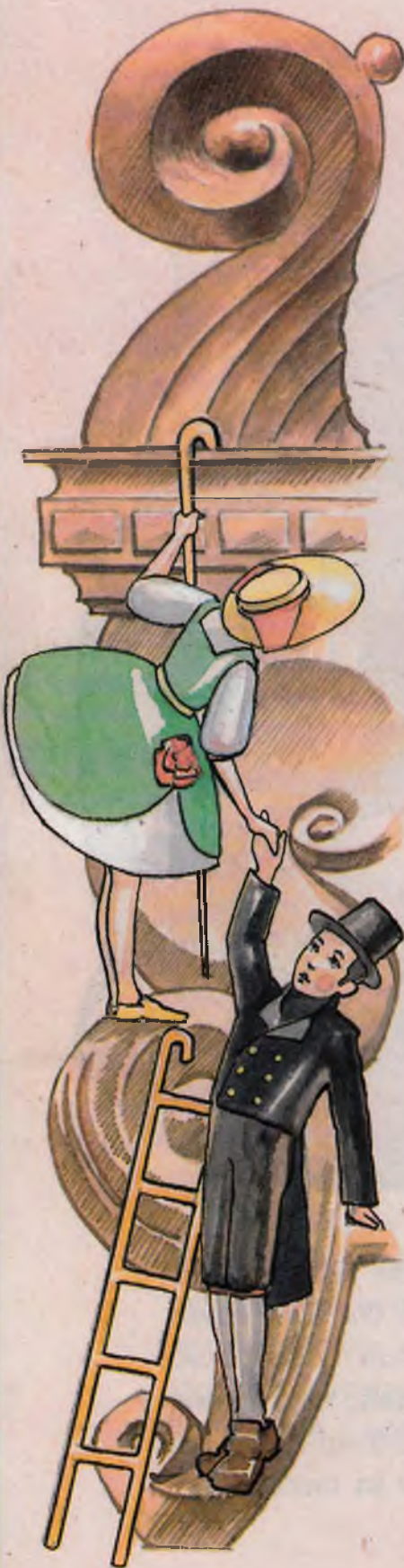

Вашмачки на ней были вызолоченные, платьице слегка приподнято и подколото алой розой, на головке красовалась золотая шляпа, а в руках пастуший посох. Ну, просто прелесть! Рядом с нею стоял маленький трубочист, черный как уголь, но, впрочем, тоже из фарфора и сам по себе такой же чистенький и миленький, как всякая фарфоровая статуэтка; он ведь только изображал трубочиста, и мастер точно так же мог бы сделать из него принца, — все равно!

Он премило держал в руках свою лестницу; личико у него было белое, а щеки розовые, как у барышни, и это было немножко неправильно — следовало бы ему быть почернее. Он стоял рядом с пастушкой — так их поставили, так они и стояли; стояли, стояли, да и обручились: они были отлично парочкой, оба молодые, оба из фарфора и оба одинаково хрупки.

Тут же стояла и еще одна кукла, в три раза больше их. Это был старый китаец, который кивал головой. Он был тоже фарфоровый и называл себя дедушкой маленькой пастушки, но доказать этого, кажется, не мог. Он утверждал, что имеет над ней власть, и потому кивал головою обер-унтер-генерал-комиссар-сержанту Козлоногу, который сватался за пастушку.

— Вот так муж у тебя будет! — сказал старый китаец пастушке. — Я думаю даже, что он из красного дерева! Он сделает тебя обер-унтер-генерал-комиссар-сержантшей! И у него целый шкаф серебра, не говоря уже о том, что лежит в потайных ящичках!

— Я не хочу в темный шкаф! — сказала пастушка. — Говорят, у него там одиннадцать фарфоровых жен!

— Так ты будешь двенадцатой! — отвечал китаец. — Ночью, как только в старом шкафу затрещит, мы сыграем вашу свадьбу! Да, да, не будь я китайцем!

Тут он кивнул головой и заснул.

Пастушка плакала и смотрела на своего милого.

— Право, я попрошу тебя, — сказала она, — бежать со мной куда глаза глядят. Тут нам нельзя оставаться!

— Твои желания — мои! — ответил трубочист. — Пойдем хоть сейчас! Я думаю, что смогу прокормить тебя своим ремеслом!

— Только бы нам удалось спуститься со столика! — сказала она. — Я не успокоюсь, пока мы не будем далеко-далеко отсюда!

Трубочист успокаивал ее и показывал, куда лучше ступать ножкой, на какой выступ или золоченую завитушку резных ножек стола. Лестница его тоже сослужила им немалую службу; таким образом они благополучно спустились на пол. Но, взглянув на старый шкаф, они увидели там страшный переполох.

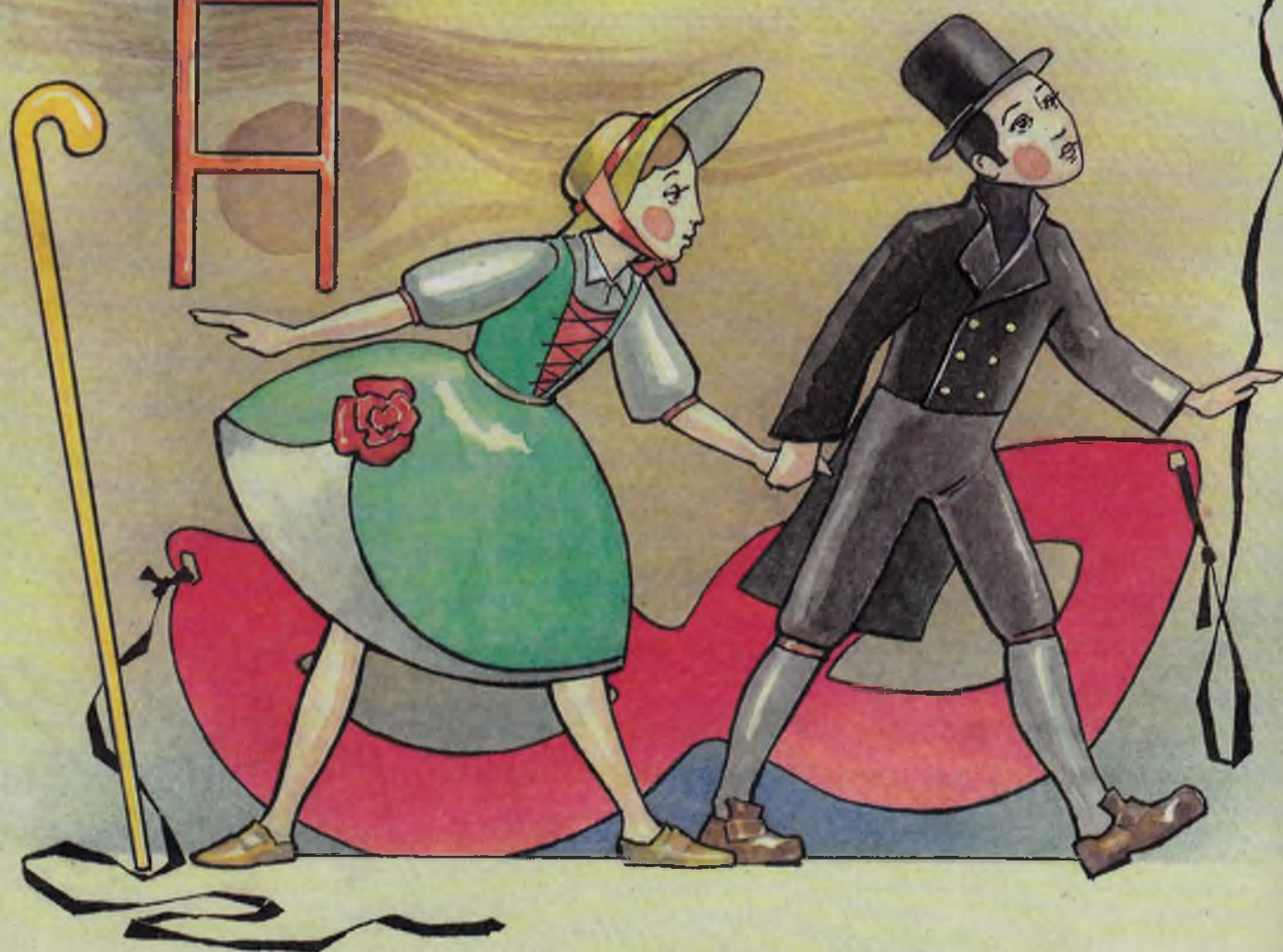
Резные олени далеко-далеко
вытянули вперед головы с рогами и
вертели ими во все стороны, а обер-унтер-
генерал-комиссар-сержант Козлоног высоко
подпрыгнул и закричал старому китайцу:

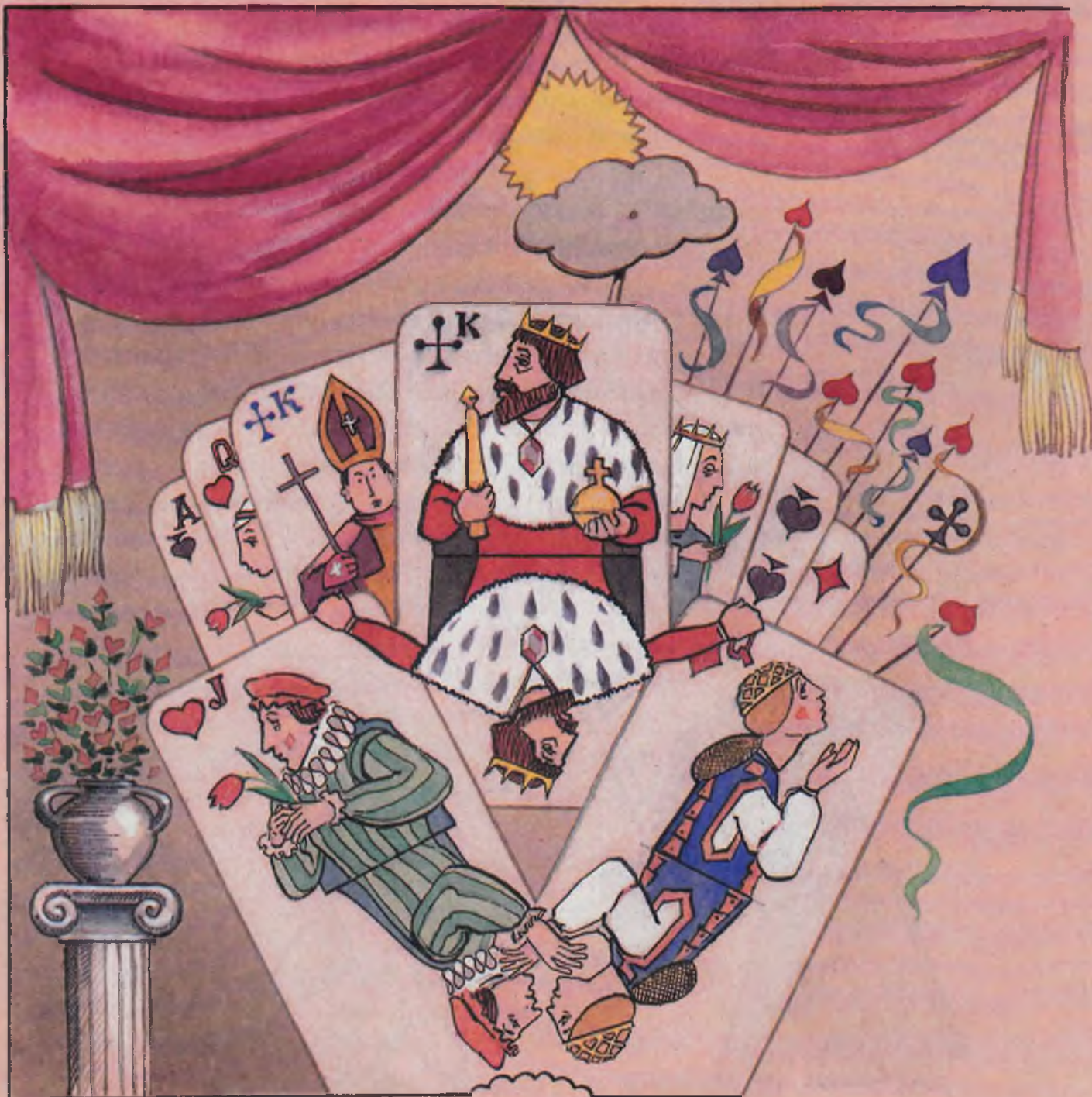
— Бегут! Бегут!

Беглецы испугались немножко и поскорее
шмыгнули в ящик предоконного возвышения.

Тут лежали три-четыре неполные колоды карт и кукольный театр; он был кое-как установлен в тесном ящике. И на сцене шло представление. Все дамы — и бубновые, и червонные, и трефовые, и пиковые — сидели в первом ряду и обмахивались своими тюльпанами. Позади них стояли валеты, и у каждого было по две головы — сверху и снизу, как и у всех карт. В пьесе изображались страдания влюбленной парочки, которую разлучали. Пастушка заплакала: это была точь-в-точь их собственная история.

— Нет, я не вынесу! — сказала она трубочисту. — Уйдем отсюда!

Но, очутившись опять на полу, они увидали, что старый китаец проснулся и весь качается из стороны в сторону, — внутри его катался свинцовый шарик.

— Ай, старый китаец гонится за нами! — закричала пастушка и в отчаянии упала на свои фарфоровые коленки.

— Стой, мне пришла в голову мысль! — сказал трубочист. — Видишь вон там, в углу, большую вазу с сушеными душистыми травами и цветами? Влезем в нее! Там мы будем лежать на розах и лаванде, а если китаец подойдет к нам, засыплем ему глаза солью.

— Нет, это не годится! — сказала она.

— Я знаю, что старый китаец и ваза были когда-то помолвлены, а в таких случаях всегда ведь сохраняются добрые отношения! Нет, нам остается только пуститься по белу свету куда глаза глядят!

— А хватит ли у тебя мужества идти за мною всюду? — спросил трубочист. — Подумала ли ты, как велик мир? Подумала ли о том, что нам нельзя будет вернуться назад?

— Да, да! — отвечала она.

Трубочист пристально посмотрел на нее и сказал:

— Моя дорога идет через печную трубу! Хватит ли у тебя мужества вскарабкаться со мной в печку и пробраться по коленчатым переходам трубы? Там-то уж я знаю, что мне делать! Мы заберемся так высоко, что нас не достанут! В самом же верху есть дыра, через нее можно выбраться на белый свет!

И он повел ее к печке.

— Как тут темно! — сказала она, но все-таки полезла за ним в печку и в трубу, где было темно, как ночью.

— Ну вот мы и в трубе! — сказал он. — Смотри, смотри! Прямо над нами сияет чудесная звездочка!

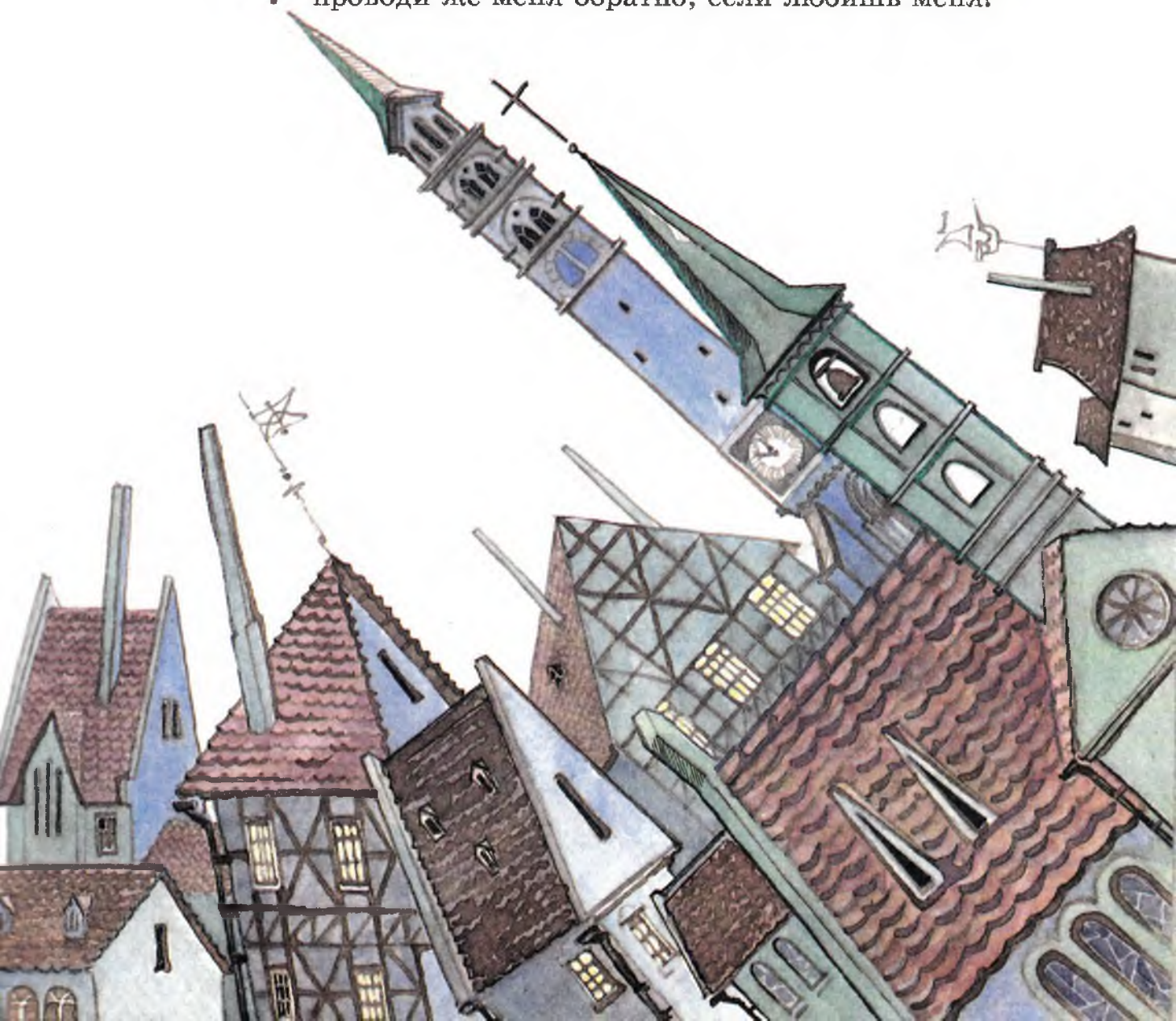
На небе и в самом деле сияла звезда, точно указывая им дорогу. А они все лезли и лезли, все выше и выше! Дорога была ужасная. Но трубочист поддерживал пастушку и указывал, куда ей удобнее и лучше ставить фарфоровые ножки. Наконец они достигли края трубы и уселись, — они очень устали, и было от чего!

Небо, усеянное звездами, было над ними, а все домовые крыши под ними. С этой высоты глазам их открывалось огромное пространство. Бедная пастушка никак не думала, что свет так велик. Она склонилась головкою к плечу трубочиста и заплакала; слезы катились ей на грудь и разом смыли всю позолоту с ее пояса.

— Нет, это уж слишком! — сказала она. — Я не вынесу! Свет слишком велик! Ах, если бы я опять стояла на подзеркальном столике! Я не успокоюсь, пока не вернусь туда!

✕ Я пошла за тобою куда глаза глядят, теперь
• проводи же меня обратно, если любишь меня!

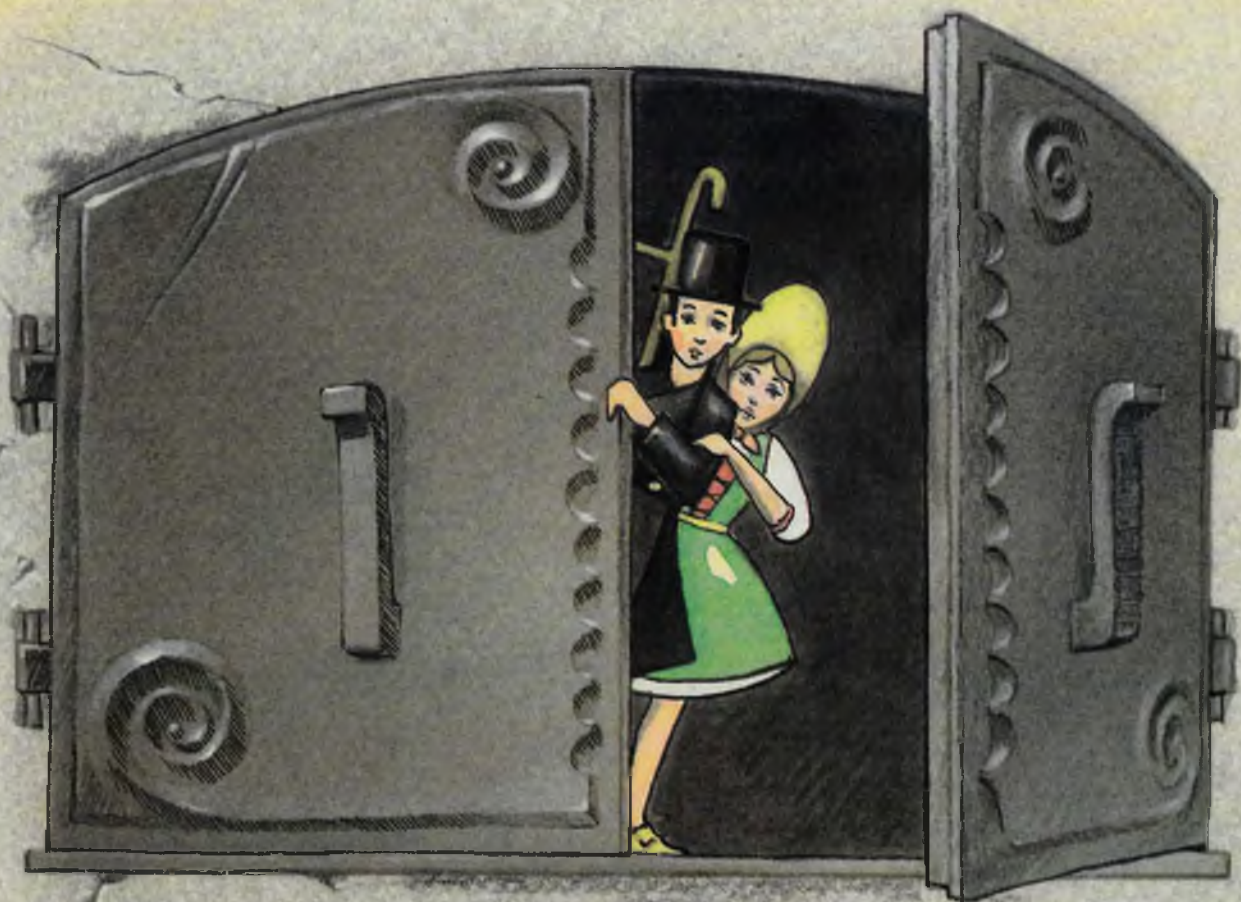
Трубочист стал ее уговаривать, напоминал ей о старом китайце и об обер-унтер-генерал-комиссар-сержанте Козлоноге, но она только рыдала и крепко целовала своего милого. Что ему оставалось делать? Пришлось уступить, хотя и не следовало.

И вот они с большим трудом спустились по трубе обратно вниз; не легко это было! Очутившись опять в темной печке, они сначала постояли несколько минут за дверцами, желая услышать, что творится в комнате. Там было тихо, и они выглянули. Ах! На полу валялся старый китаец: он свалился со стола, собираясь пуститься за ними вдогонку, и разбился на три части; спина так вся и отлетела прочь, а голова закатилась в угол. Обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног стоял, как всегда, на своем месте и раздумывал.

— Ай, какой ужас! — воскликнула пастушка. — Старый дедушка разбился на куски, и мы всему виною! Ах, я не переживу этого!

И она заломила свои крошечные ручки.

— Его можно починить! — сказал трубочист. — Его отлично можно починить! Только не огорчайся! Ему приклеют спину, а в затылок забьют хорошую заклепку — он будет совсем как новый и успеет еще надеться нам много неприятностей.

— Ты думаешь? — спросила она.

И они опять вскарабкались на столик, где стояли прежде.

— Вот как далеко мы ушли! — сказал трубочист. — Стоило беспокоиться!

— Только бы дедушку починили! — сказала пастушка. — Или это очень дорого обойдется?

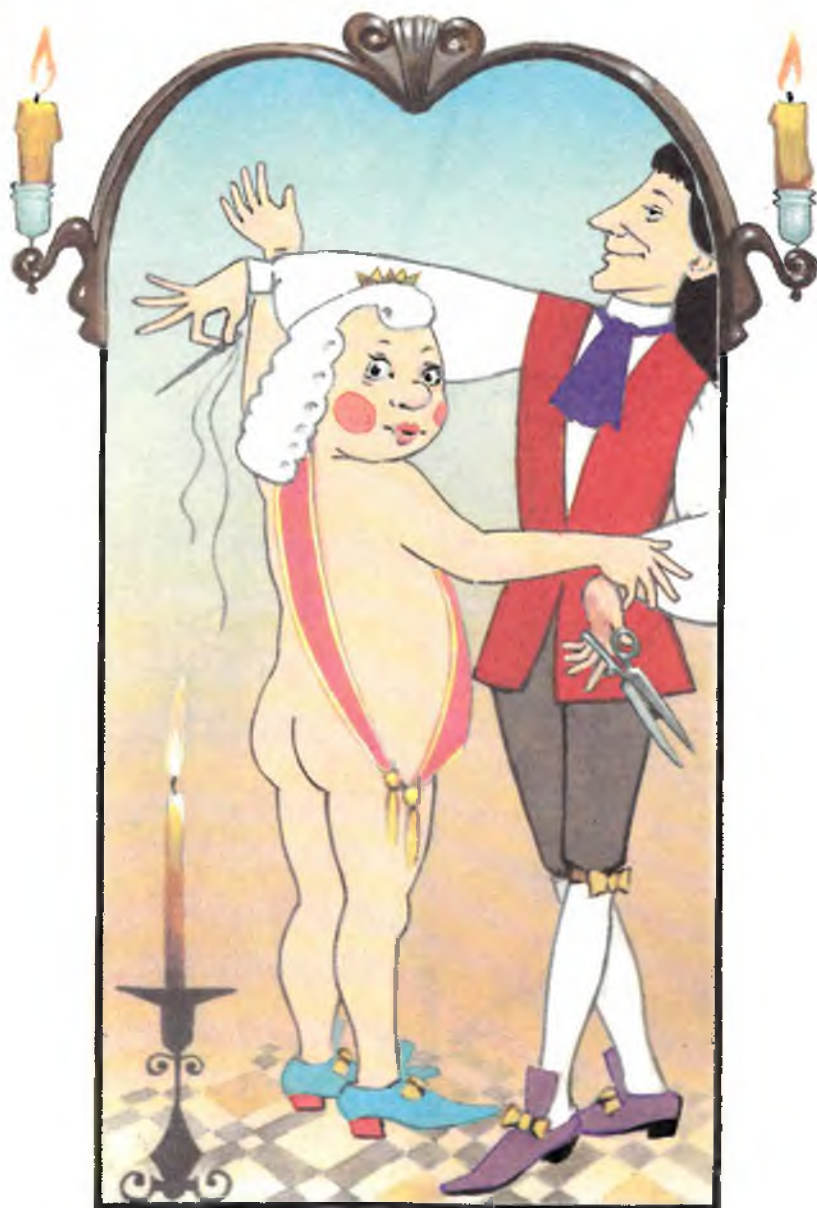
И дедушку починили: приклеили ему спину и забили хорошую заклепку в шею; он стал как новый, только кивать головой больше не мог.

— Вы что-то загордились с тех пор, как разбились! — сказал ему обер-унтер-генерал-комиссар-сержант Козлоног. — А мне кажется, тут гордиться особенно нечем! Что же, отдадут ее за меня или нет?

Трубочист и пастушка с мольбой взглянули на старого китайца, — они так боялись, что он кивнет, но он не мог, хоть и не хотел в этом признаться: не очень-то приятно рассказывать всем и каждому, что у тебя в затылке заклепка! Так фарфоровая парочка осталась стоять рядышком. Пастушка и трубочист благословляли дедушкину заклепку и любили друг друга, пока не разбились.

Новое платье короля

Много лет назад жил-был на свете король; он так любил наряжаться, что тратил на новые платья все свои деньги, и парады, театры, загородные прогулки занимали его только потому, что он мог тогда показаться в новом наряде. На каждый час дня у него был особый наряд, и как про других королей часто говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице этого короля жилось очень весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явилось двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут изготовлять такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличается ещё удивительным свойством — становится невидимой для всякого человека, который не на своём месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! — подумал король. — Тогда ведь я могу узнать, кто из моих сановников не на своём месте и кто умен, а кто глуп. Пусть поскорее изготовят для меня такую ткань».

И он дал обманщикам большой задаток, чтобы они сейчас же принялись за дело.

Те поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто усердно работают, а у самих на станках ровно ничего не было. Нимало не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шёлку и чистейшего золота, всё это припрятавали в карманы и просиживали за пустыми станками с утра до поздней ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... всё-таки лучше сначала пошёл бы кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или непригодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старика министра,— подумал король.— Уж он-то рассмотрит ткань: он умён и с честью занимает своё место».

И вот старик министр вошёл в залу, где за пустыми станками сидели обманщики.

«Господи помилуй! — подумал министр, тараща глаза.— Да ведь я ничего не вижу!»

Только он не сказал этого вслух.

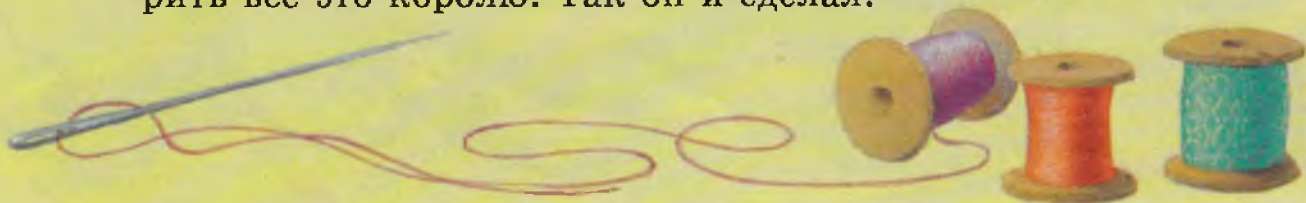
Обманщики почтительно попросили его подойти поближе и сказать, как нравятся ему узор и краски. При этом они указывали на пустые станки, а бедный министр, как ни таращил глаза, всё-таки ничего не видел. Да и видеть было нечего.

«Ах ты господи! — думал он.— Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси господь, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы ничего не скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик министр, глядя сквозь очки.— Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок. Министр слушал очень внимательно, чтобы потом повторить всё это королю. Так он и сделал.

Теперь обманщики стали требовать ещё больше денег, шёлку и золота; но они только набивали себе карманы, а на работу не пошло ни одной нитки. Как и прежде, они сидели у пустых станков и делали вид, что ткут.

Потом король послал к ткачам другого достойного сановника. Он должен был посмотреть, как идёт дело, и узнать, скоро ли работа будет закончена. С ним было то же самое, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел, а всё равно ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и объясняя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп,— думал сановник.— Значит, я не на своём месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

И он стал расхваливать ткань, которой не видел, восхищаясь красивым рисунком и сочетанием красок.

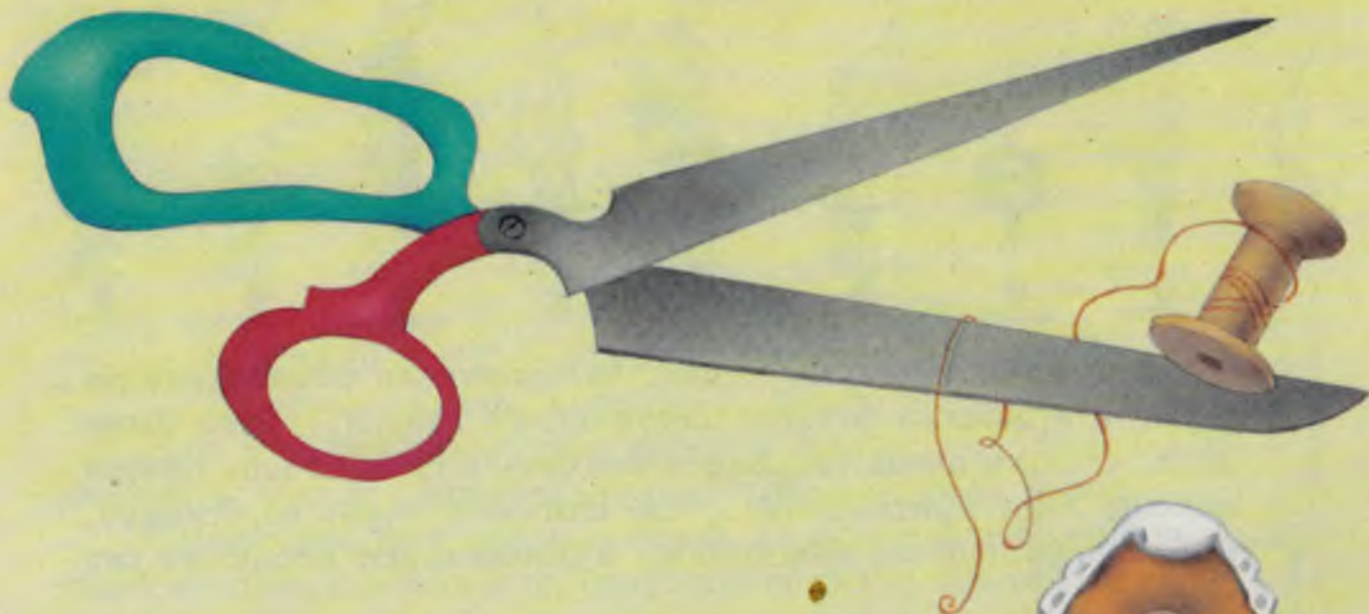

— Премило, премило! — доложил он королю.
Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.
Наконец и сам король пожелал полюбоваться диковин-
кой, пока она ещё не снята со станка.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим изо всех сил на пустых станках.

— Чудесно! Не правда ли? — вскричали уже побывавшие здесь сановники. — Не угодно ли полюбоваться? Какой рисунок... а краски!

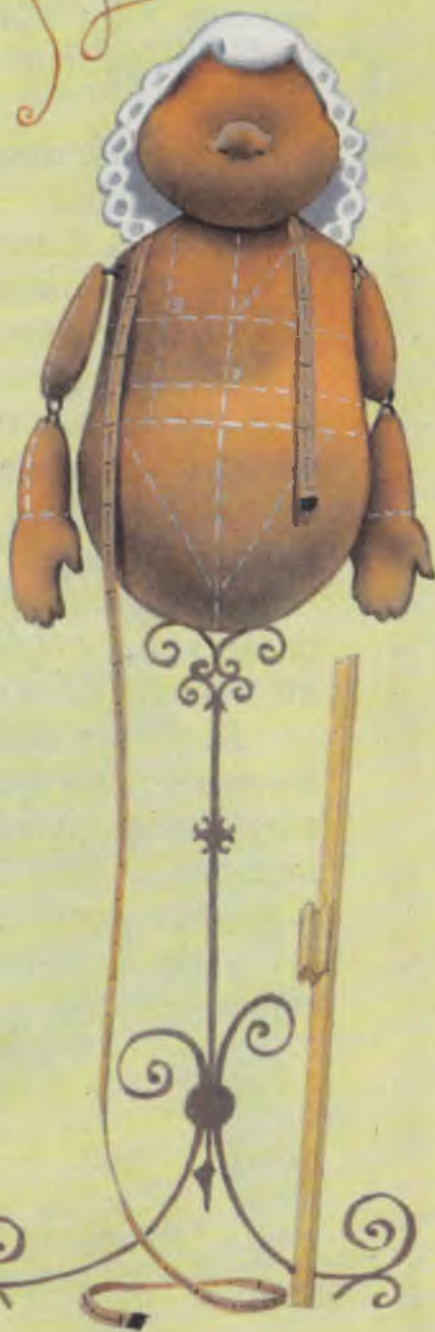
И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Что за ерунда! — подумал король. — Я ничего не вижу! Ведь это ужасно! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли? Это было бы хуже всего!»

— О да, очень, очень мило! — сказал наконец король. — Вполне заслуживает моего одобрения!

И он с довольным видом кивал головой, рассматривая пустые станки, — он не хотел признаться, что ничего не видит. Свита короля глядела во все глаза, но видела не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

Чудесно! Превосходно! — только и слышалось со всех сторон; все были в таком восторге! Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь накануне торжества просидели обманщики за работой и сожгли больше шестнадцати свечей,— всем было ясно, что они очень старались кончить к сроку новое платье короля. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроят её большими ножницами и потом шьют иголками без ниток.

Наконец они объявили:

— Готово!

Король в сопровождении свиты сам пришёл к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Лёгко, как паутинка, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, но они ничего не видали — нечего ведь было и видеть.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы оденем вас!

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то в плечах и на талии,— это они надевали на него королевскую мантию! А король поворачивался перед зеркалом во все стороны.

— Боже, как идёт! Как чудесно сидит! — шептали в свите. — Какой узор, какие краски! Роскошное платье!

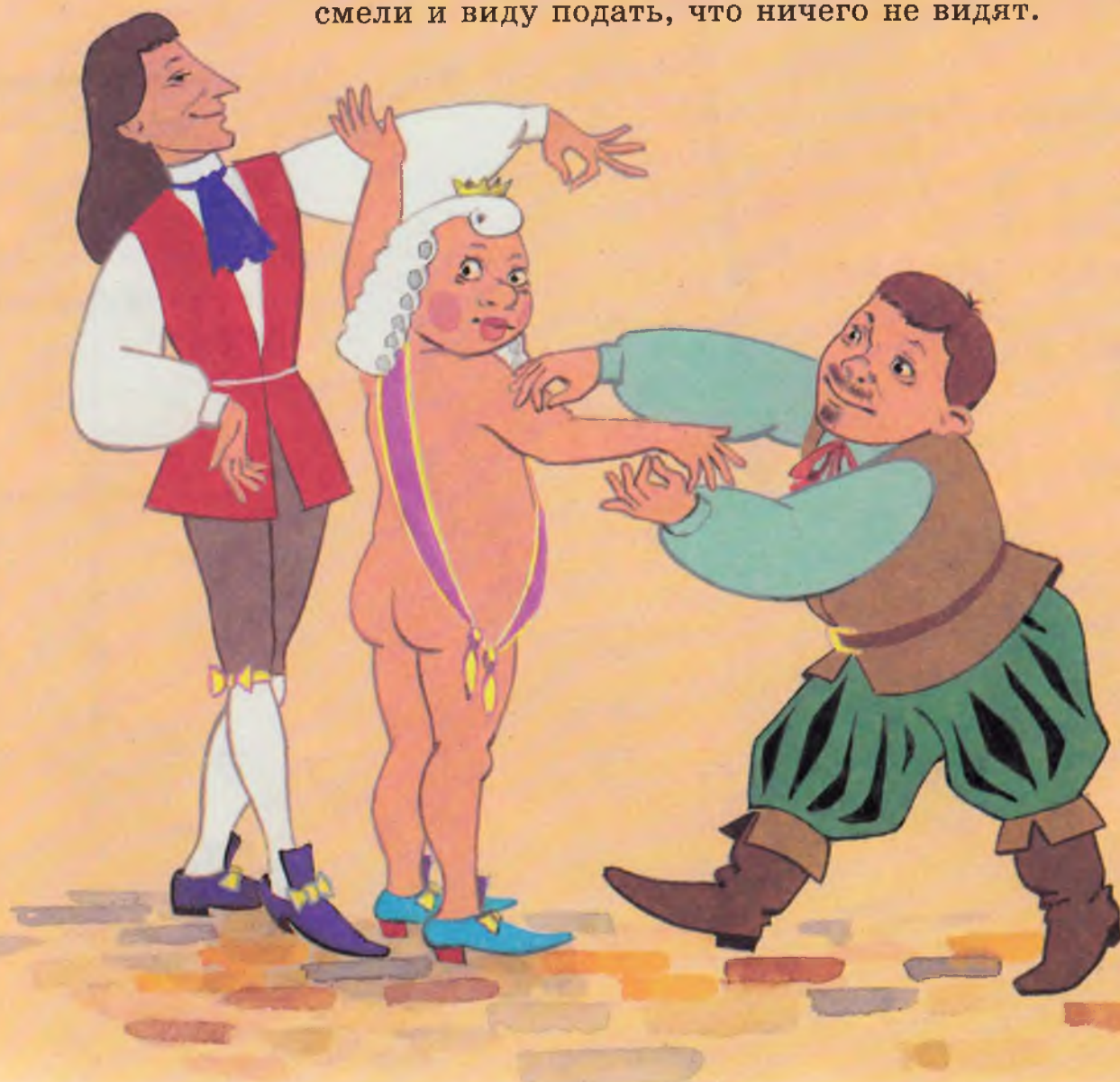

— Балдахин ждёт! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он ещё раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с пола, и пошли за королём, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал по улицам под роскошным балдахином, а люди, собравшиеся на улицах, говорили:

— Ах, какое красивое это новое платье короля! Как чудно сидит! Какая роскошная мантия!

Ни единый человек не сознался, что ничего не видит, никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своём месте. Ни одно платье короля не вызывало ещё таких восторгов.

— Да ведь он голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

— Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец, и все стали шёпотом передавать друг другу слова ребёнка.

— Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он совсем не одет! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином ещё величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

Гадкий утёнок

Хорошо было за городом! Стояло лето, рожь уже пожелтела, овсы зеленели, сено было сметано в стога; по зеленому лугу расхаживал длинноногий аист и болтал по-египетски — он выучился этому языку от матери. За полями и лугами тянулись большие леса с глубокими озерами в самой чаще. Да, хорошо было за городом! На солнечном припеке лежала старая усадьба, окруженная глубокими канавами с водой; от самой ограды вплоть до воды рос лопух, да такой большой, что маленькие ребятишки могли стоять под самыми крупными из его листьев во весь рост. В чаще лопуха было так же глухо и дико, как в густом лесу, и вот там-то сидела на яйцах утка. Сидела она уже давно, и ей порядком надоело это сидение, ее мало навещали: другим уткам больше нравилось плавать по канавкам, чем сидеть в лопухе да крякать с нею.

Наконец яичные скорлупки затрещали. “Пи! пи!” — слышалось из них: яичные желтки ожили и повысунули из скорлупок носики.

- Живо! Живо! — закричала утка, и утята заторопились, кое-как выкарабкались и начали озираться кругом, разглядывая зеленые листья лопуха; мать не мешала им — зеленый свет полезен для глаз.

- Как мир велик! — сказали утята.

Еще бы! Тут было куда просторнее, чем в скорлупе.

- А вы думаете, что тут и весь мир? — сказала мать. — Нет! Он тянется далеко-далеко, туда, за сад, к полю священника, но там я от роду не бывала!.. Ну, все, что ли, вы тут? — И она встала. — Ах нет, не все! Самое большое яйцо целехонько! Да скоро ли этому будет конец! Право, мне уж надоело.

И она уселась опять.

- Ну, как дела? — заглянула к ней старая утка.

- Да вот, еще одно яйцо остается! — сказала молодая утка. — Сижую, сижду, а все толку нет! Но посмотри-ка на других! Просто прелесть! Ужасно похожи на отца! А он-то, негодный, и не навестил меня ни разу!

- Постой-ка, я взгляну на яйцо! — сказала старая утка. — Может статься, это индюшачье яйцо! Меня тоже надули раз! Ну и маялась же я, как вывела индюшат! Они ведь страсть боятся воды; уж я и крикала, и звала, и толкала их в воду — не идут, да и конец! Дай мне взглянуть на яйцо! Ну, так и есть! Индюшачье! Брось-ка его да ступай учи других плавать!

- Посижую уж еще! — сказала молодая утка. — Сидела столько, что можно посидеть и еще немножко.

- Как угодно! - сказала старая утка и ушла.

Наконец затрещала скорлупка и самого большого яйца. "Пи! пи-и!" - и оттуда вывалился огромный некрасивый птенец. Утка оглядела его.

- Ужасно велик! - сказала она. - И совсем непохож на остальных! Неужели это индюшонок? Ну, да в воде-то он у меня побывает, хоть бы мне пришлось столкнуть его туда силой!

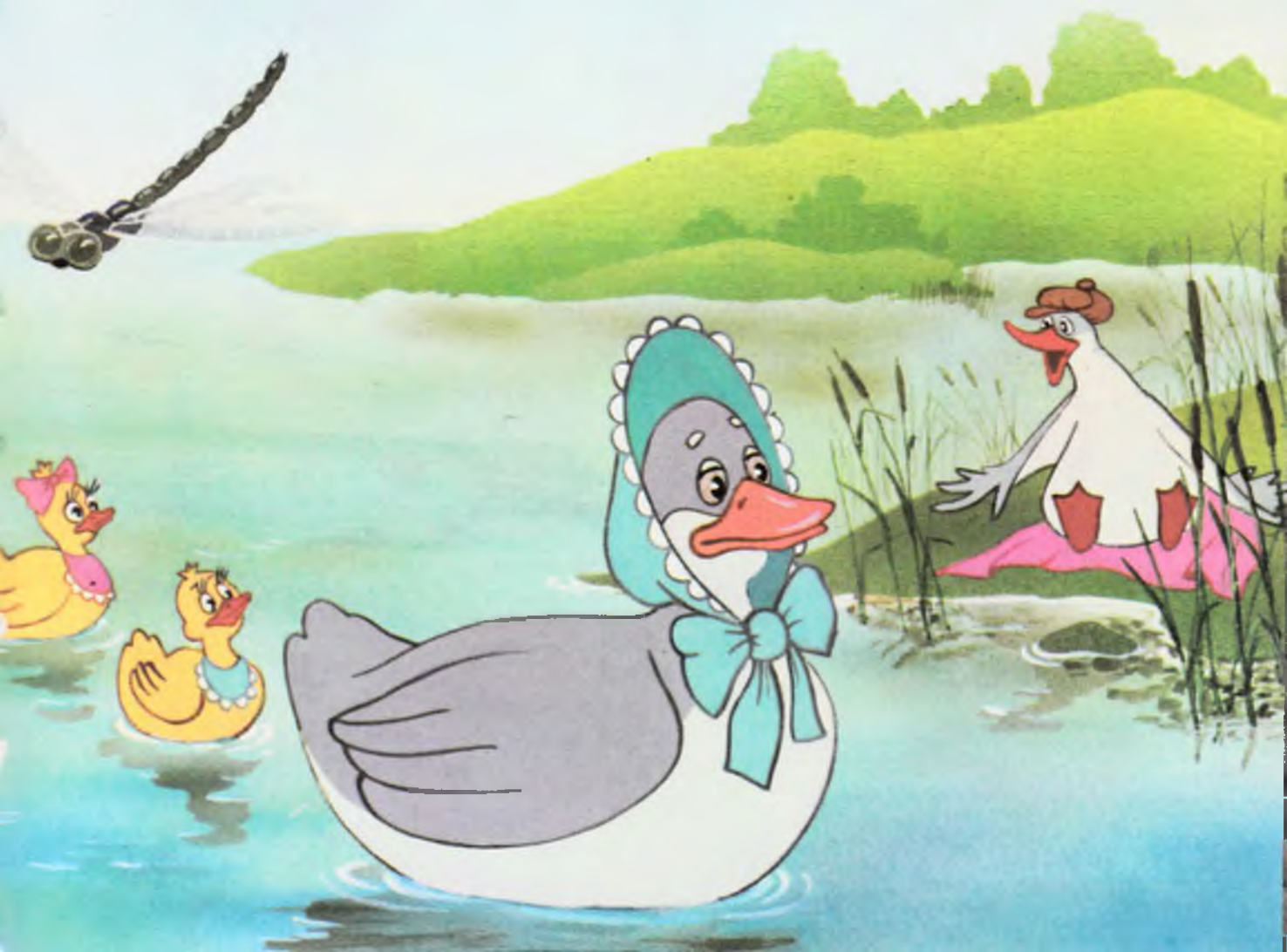

На другой день погода стояла чудесная, зеленый лопух весь был залит солнцем. Утка со всею своею семьей отправилась к канаве. Бултых! - и утка очутилась в воде.

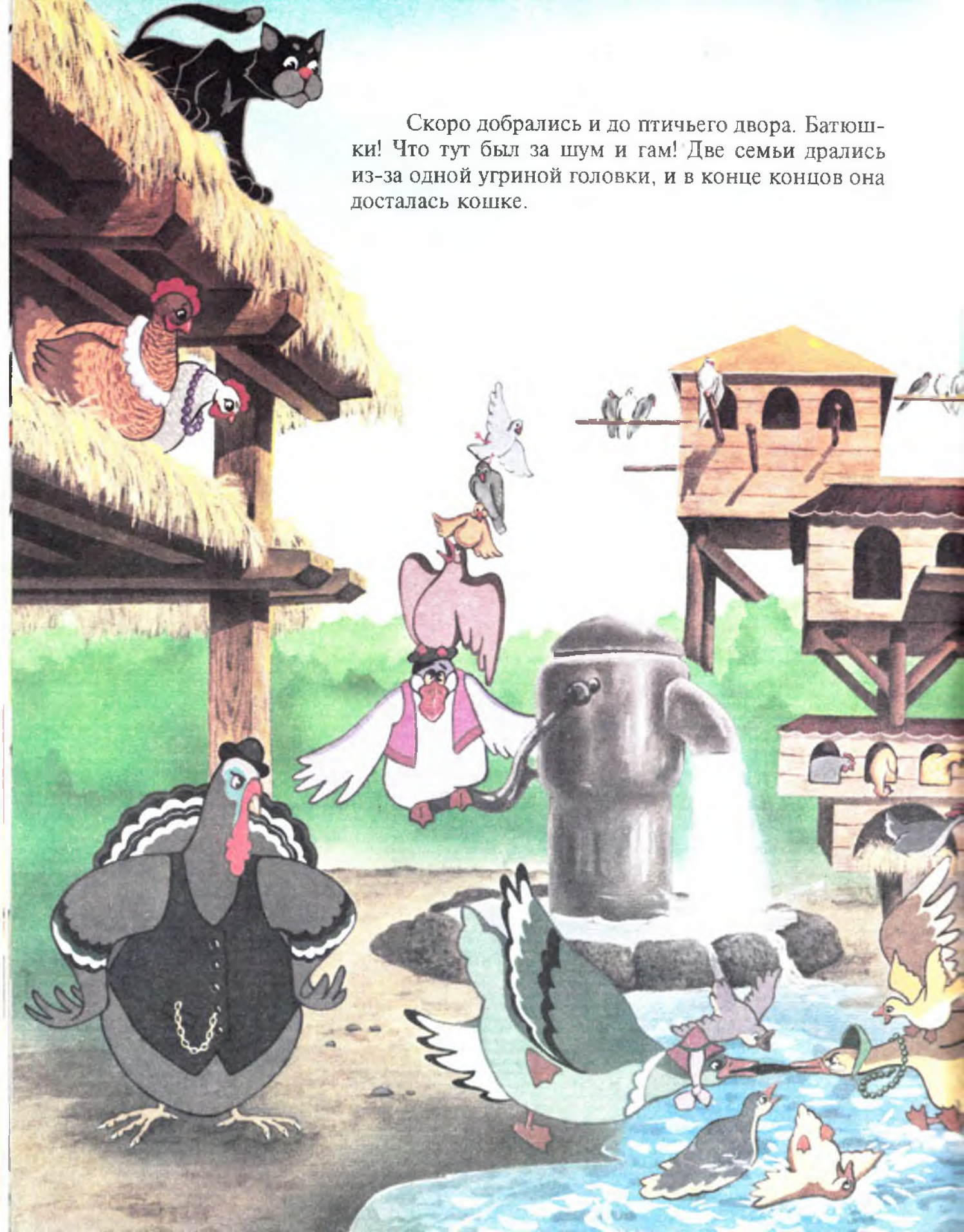
- За мной! Живо! - позвала она утят, и те один за другим тоже бултыхнулись в воду.

Сначала вода покрыла их с головками, но затем они вынырнули и поплыли так, что любо. Лапки у них так и работали; некрасивый серый утенок не отставал от других.

- Какой же это индюшонок? - сказала утка. - Ишь как славно гребет лапками, как прямо держится! Нет, это мой собственный сын! Да он вовсе и недурен, как посмотришь на него хорошенько! Ну, живо, живо, за мной! Я сейчас введу вас в общество - мы отправимся на птичий двор. Но держитесь ко мне поближе, чтобы кто-нибудь не наступил на вас, да берегитесь кошек!

Скоро добрались и до птичьего двора. Батюшки! Что тут был за шум и гам! Две семьи дрались из-за одной угриной головки, и в конце концов она досталась кошке.

- Вот как идут дела на белом свете! - сказала утка и облизнула язычком клюв, - ей тоже хотелось отведать угриной головки. - Ну, ну, шевелите лапками! - сказала она утятам. - Крякните и поклонитесь вон той старой утке! Она здесь знатнее всех! Она испанской породы и потому такая жирная. Видите, у нее на лапке красный лоскуток? Как красиво! Это знак высшего отличия, какого только может удостоиться утка. Люди дают этим понять, что не желают потерять ее; по этому лоскутку ее узнают и люди и животные. Ну, живо! Да не держите лапки вместе! Благовоспитанный утенок должен держать лапки врозь и выворачивать их наружу, как папаша с мамашей! Вот так! Кланяйтесь теперь и крякайте!

Утята так и сделали; но другие утки оглядывали их и громко говорили:

- Ну вот, еще целая орава! Точно нас мало было! А один-то какой безобразный! Его уж мы не потерпим!

И сейчас же одна утка подскочила и клюнула его в шею.

- Оставь его! - сказала утка-мать. - Он ведь вам ничего не сделал!

- Это так, но он такой большой и странный! - отвечала забияка. - Ему надо задать хорошенькую трепку!

- Славные у тебя детки! - сказала старая утка с красным лоскутком на лапке. - Все очень милы, кроме одного... Этот не удался! Хорошо бы его переделать!

- Никак нельзя, ваша милость! - ответила утка-мать. - Он некрасив, но у него доброе сердце, и плавает он не хуже, смею даже сказать - лучше других. Я думаю, что он вырастет, похорошеет или станет со временем поменьше. Он залежался в яйце, оттого и не совсем удался. - И она провела носиком по перышкам большого утенка. - Кроме того, он селезень, а селезню красота не так ведь нужна. Я думаю, что он возмужает и пробьет себе дорогу!

- Остальные утята очень-очень милы! - сказала старая утка. - Ну, будьте же как дома, а найдете угриную головку, можете принести ее мне.

Вот они и стали вести себя как дома. Только бедного утенка, который вылупился позже всех и был такой безобразный, клевали, толкали и осыпали насмешками решительно все - и утки и куры.

- Он больно велик! - говорили все, а индейский петух, который родился со шпорами на ногах и потому воображал себя императором, надулся и, словно корабль на всех парусах, полетел к утенку, поглядел на него и пресердито залопотал; гребешок у него так весь и налился кровью. Бедный утенок просто не знал, что ему делать, как быть. И надо же ему было уродиться таким безобразным, каким-то посмешищем для всего птичьего двора!

Так прошел первый день, затем пошло еще хуже. Все гнали бедняжку, даже братья и сестры сердито говорили ему:

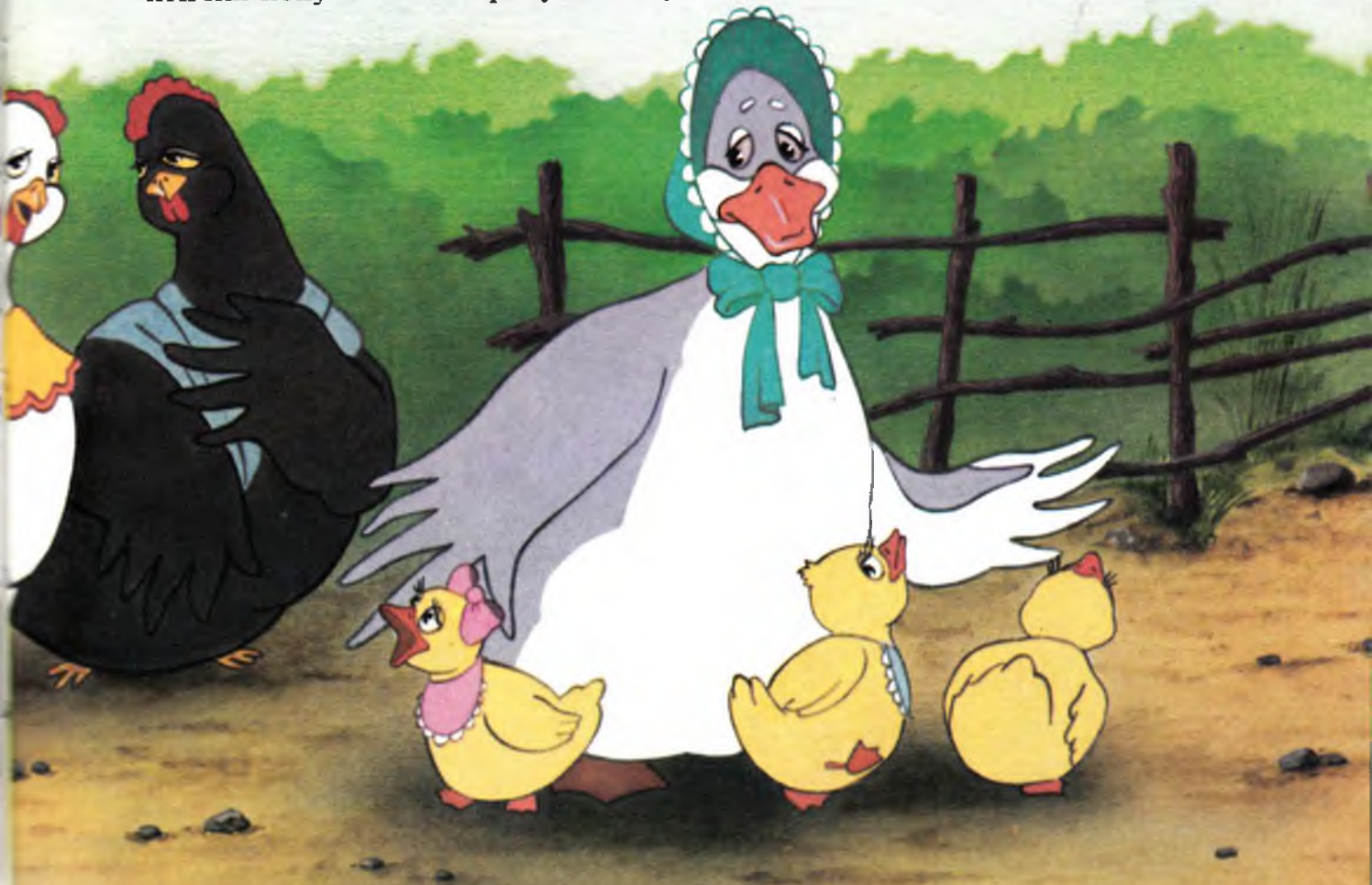
- Хоть бы кошка утащила тебя, несносного урода!

А мать прибавляла:

- Глаза бы мои тебя не видали!

Утки клевали его, куры щипали, а девушка, которая давала птицам корм, толкала ногою.

Не выдержал утенок, перебежал двор и - через изгородь! Маленькие птички испуганно вспорхнули из кустов.

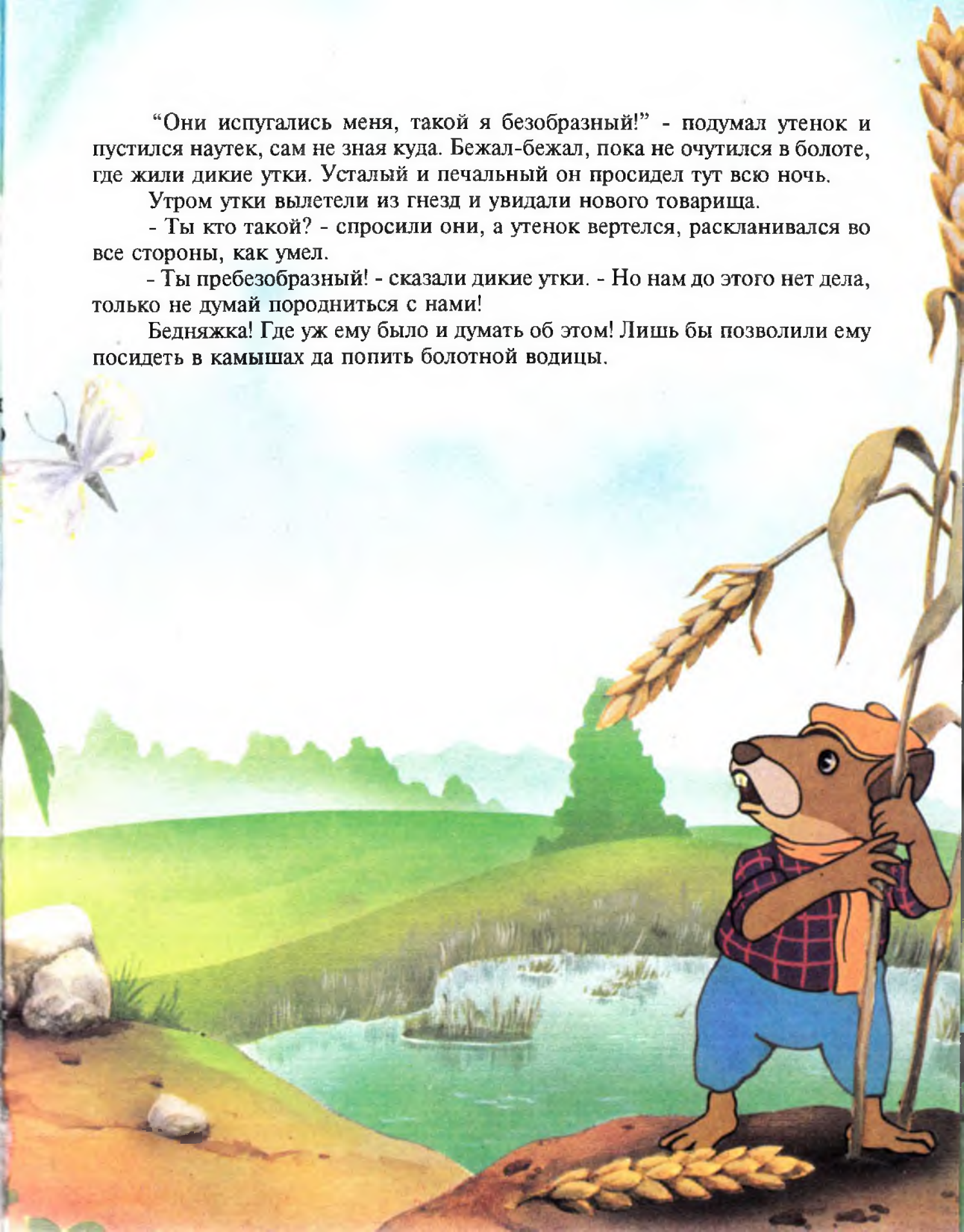
“Они испугались меня, такой я безобразный!” - подумал утенок и пустился наутек, сам не зная куда. Бежал-бежал, пока не очутился в болоте, где жили дикие утки. Усталый и печальный он просидел тут всю ночь.

Утром утки вылетели из гнезд и увидели нового товарища.

- Ты кто такой? - спросили они, а утенок вертелся, раскланивался во все стороны, как умел.

- Ты пребезобразный! - сказали дикие утки. - Но нам до этого нет дела, только не думай породниться с нами!

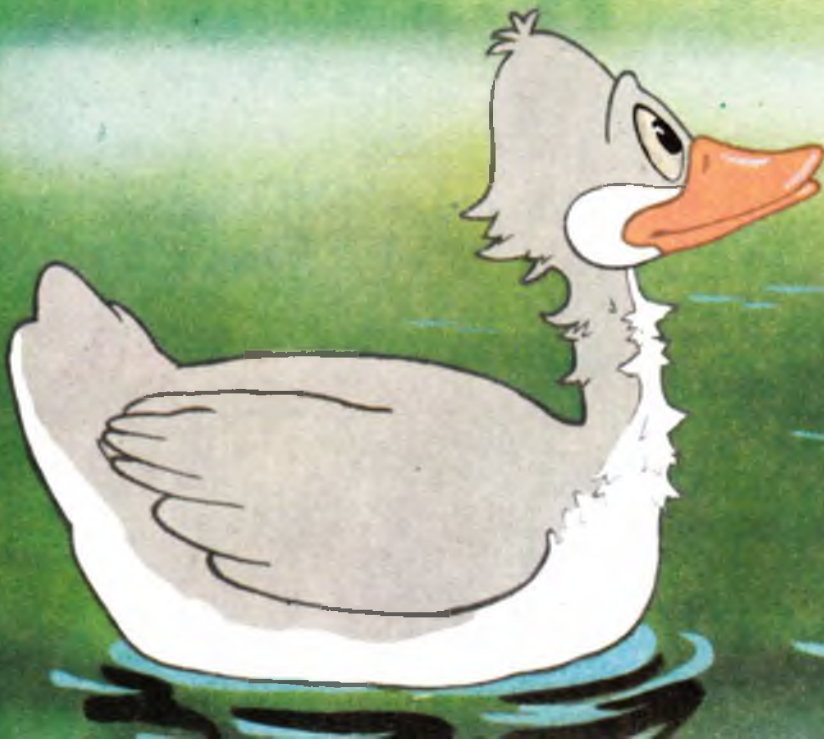
Бедняжка! Где уж ему было и думать об этом! Лишь бы позволили ему посидеть в камышах да попить болотной водицы.

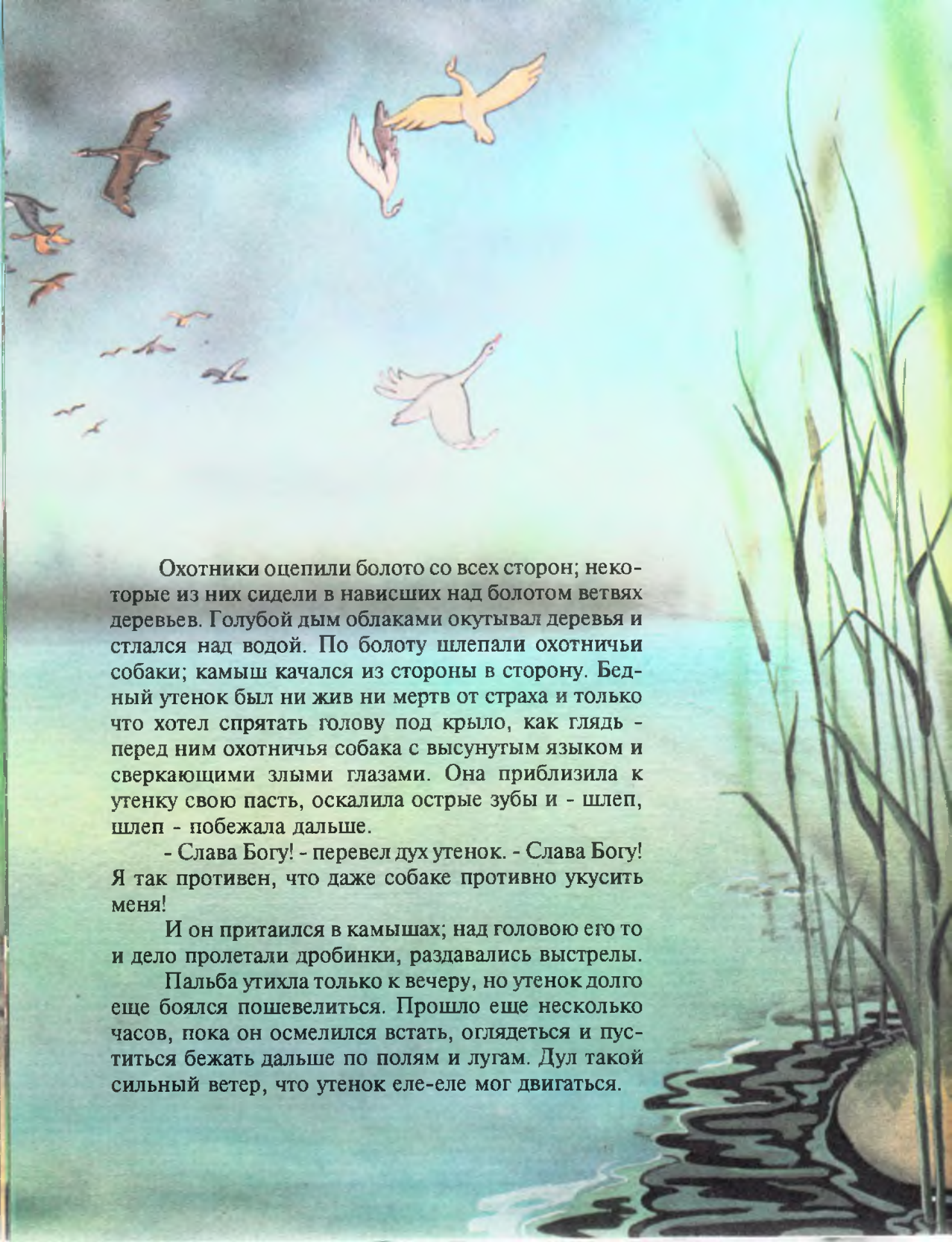
Два дня провел он в болоте, на третий день явились два диких гусака. Они недавно вылупились из яиц и потому выступали очень гордо.

- Слушай, дружище! - сказали они. - Ты такой урод, что, право, нравишься нам! Хочешь летать с нами и быть вольной птицей? Недалеко отсюда, в другом болоте, живут премиленькие дикие гусыни-барышни. Они умеют говорить: "Рап, рап!" Ты такой урод, что, чего доброго, будешь иметь у них большой успех!

"Пиф! паф!" - раздалось вдруг над болотом, и оба гусака упали в камыши мертвыми; вода окрасилась кровью. "Пиф! паф!" - раздалось опять, и из камышей поднялась целая стая диких гусей. Пошла пальба.

Охотники оцепили болото со всех сторон; некоторые из них сидели в нависших над болотом ветвях деревьев. Голубой дым облаками окутывал деревья и стлался над водой. По болоту шлепали охотничьи собаки; камыш качался из стороны в сторону. Бедный утенок был ни жив ни мертв от страха и только что хотел спрятать голову под крыло, как глядь - перед ним охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами. Она приблизила к утенку свою пасть, оскалила острые зубы и - шлеп, шлеп - побежала дальше.

- Слава Богу! - перевел дух утенок. - Слава Богу! Я так противен, что даже собаке противно укусить меня!

И он притаился в камышах; над головою его то и дело пролетали дробинки, раздавались выстрелы.

Пальба утихла только к вечеру, но утенок долго еще боялся пошевелиться. Прошло еще несколько часов, пока он осмелился встать, оглядеться и пуститься бежать дальше по полям и лугам. Дул такой сильный ветер, что утенок еле-еле мог двигаться.

К ночи он добежал до бедной избушки. Избушка так уж обветшала, что готова была упасть, да не знала, на какой бок, оттого и держалась. Ветер так и подхватывал утенка - приходилось упираться в землю хвостом!

Ветер, однако, все крепчал; что было делать утенку? К счастью, он заметил, что дверь избушки соскочила с одной петли и висит совсем криво; можно было свободно проскользнуть через эту щель в избушку. Так он и сделал.

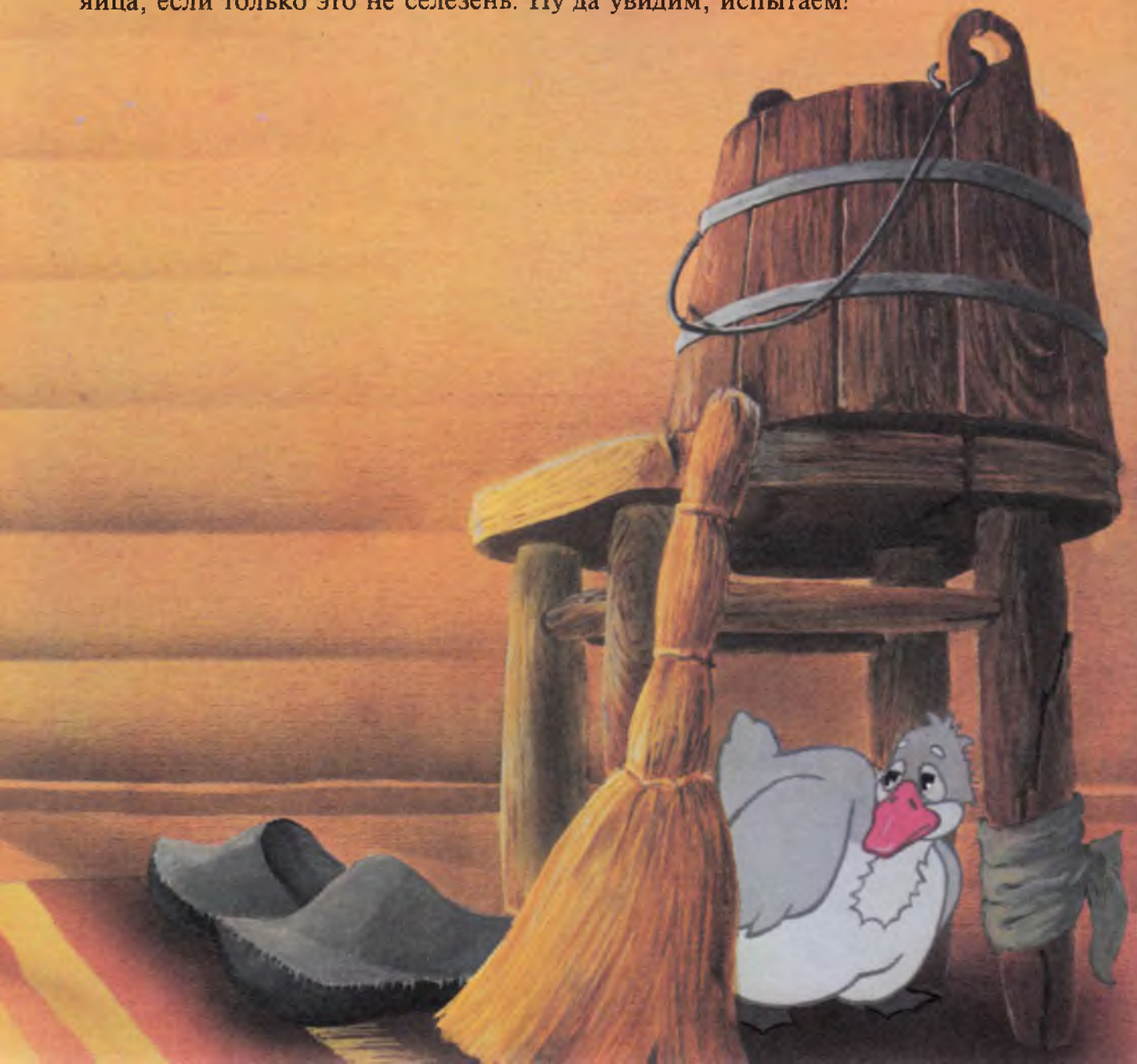

В избушке жила старушка с котом и курицей. Кота она звала сыночком; он умел выгибать спинку, мурлыкать и даже испускать искры, если его гладили против шерсти. У курицы были маленькие, коротенькие ножки, и ее прозвали Коротконожкой; она прилежно несла яйца, и старушка любила ее, как дочку.

Утром пришельца заметили; кот начал мурлыкать, а курица клохтать.

- Что там? - спросила старушка, осмотрелась кругом и заметила утенка, но по слепоте своей приняла его за жирную утку, которая отбилась от дому.

- Вот так находка! - сказала старушка. - Теперь у меня будут утиные яйца, если только это не селезень. Ну да увидим, испытаем!

И утенка приняли на испытание, но прошло недели три, а яиц все не было. Господином в доме был кот, а госпожою курица, и оба всегда говорили: "Мы и весь свет!" Они считали самих себя половиной всего света, притом - лучшею его половиной. Утенку же казалось, что можно на этот счет быть и другого мнения. Курица, однако, этого не потерпела.

- Умеешь ты нести яйца? - спросила она утенка.

- Нет!

- Так и держи язык на привязи!

А кот спросил:

- Умеешь ты выгибать спинку, мурлыкать и испускать искры?

- Нет!

- Так и не суйся с своим мнением, когда говорят умные люди!

И утенок сидел в углу, нахохлившись. Вдруг вспомнились ему свежий воздух и солнышко, и ему страшно захотелось поплавать. Он не выдержал и сказал об этом курице.

- Да что с тобой?! - спросила она. - Бездельничаешь, вот тебе блажь в голову и лезет! Неси-ка яйца или мурлычь, дурь-то и пройдет!

- Ах, плавать по воде так приятно! - сказал утенок. - А что за наслаждение нырять в самую глубь с головой!

- Хорошо наслаждение! - сказала курица. - Ты совсем рехнулся! Спроси у кота, он умнее всех, кого я знаю, нравится ли ему плавать или нырять! О себе самой я уж не говорю! Спроси, наконец, у нашей старушки хозяйки, умнее ее нет никого на свете! По-твоему, и ей хочется плавать или нырять?

- Вы меня не понимаете! - сказал утенок.

- Если уж мы не понимаем, так кто тебя и поймет! Что ж, ты хочешь быть умнее кота и хозяйки, не говоря уже обо мне? Не дури, а благодари-ка лучше Создателя за все, что для тебя сделали! Тебя приютили, пригрели, тебя окружает такое общество, в котором ты можешь чему-нибудь научиться, но ты пустая голова, и говорить-то с тобой не стоит! Уж поверь мне! Я желаю тебе добра, потому и браню тебя - так всегда узнаются истинные друзья! Старайся же нести яйца или выучись мурлыкать да пускать искры!

- Я думаю, что мне лучше уйти отсюда куда глаза глядят! - сказал утенок.

- Скатертью дорога! - отвечала курица.

И утенок ушел. Он плавал и нырял, но все животные по-прежнему презирали его за безобразие.

Настала осень; листья на деревьях пожелтели и побурели; ветер подхватывал и кружил их; наверху, в небе, стало так холодно, что тяжелые облака сеяли град и снег, а на изгороди сидел ворон и каркал от холода во все горло. Брр! Замерзнешь при одной мысли о таком холоде! Плохо приходилось бедному утенку.

Раз вечером, когда солнце так красиво закатывалось, из-за кустов поднялась целая стая чудных, больших птиц; утенок сроду не видал таких красавцев: все они были белы как снег, с длинными, гибкими шеями! То были лебеди. Они испустили какой-то странный крик, взмахнули великолепными, большими крыльями и полетели с холодных лугов в теплые края, за синее море. Они поднялись высоко-высоко, а бедного утенка охватило какое-то смутное волнение. Он завертелся в воде, как волчок, вытянул шею и тоже испустил такой громкий и странный крик, что и сам испугался. Чудные птицы не шли у него из головы, и когда они окончательно скрылись из виду, он нырнул на самое дно, вынырнул опять и был словно вне себя. Утенок не знал, как зовут этих птиц, куда они летели, но полюбил их, как не любил до сих пор никого. Он не завидовал их красоте; ему и в голову не могло прийти пожелать походить на них; он рад бы был и тому, чтоб хоть утки-то его от себя не отталкивали. Бедный безобразный утенок!

А зима стояла холодная-прехолодная. Утенку приходилось плавать без отдыха, чтобы не дать воде замерзнуть совсем, но с каждой ночью свободное ото льда пространство становилось все меньше и меньше. Морозило так, что ледяная кора трещала. Утенок без усталости работал лапками, но под конец обессилел, приостановился и весь обмерз.

Рано утром мимо проходил крестьянин, увидел примерзшего утенка, разбил лед своим деревянным башмаком и принес птицу домой к жене. Утенка отогрели.

Но вот дети вздумали играть с ним, а он вообразил, что они хотят обидеть его, и шархнул со страха прямо в подойник с молоком - молоко все расплескалось. Женщина вскрикнула и всплеснула руками; утенок между тем влетел в кадку с маслом, а оттуда в бочонок с мукой. Батюшки, на что он был похож! Женщина вопила и гонялась за ним с угольными шипцами, дети бегали, сшибая друг друга с ног, хохотали и визжали. Хорошо, что дверь стояла отворенной, утенок выбежал, кинулся в кусты, прямо на свежавыпавший снег и долго-долго лежал там почти без чувств.

Было бы чересчур печально описывать все злоключения утенка за эту суровую зиму. Когда же солнышко опять пригрело землю своими теплыми лучами, он лежал в болоте, в камышах. Запели жаворонки, пришла весна.

Утенок взмахнул крыльями и полетел; теперь крылья его шумели и были куда крепче прежнего. Не успел он опомниться, как уже очутился в большом саду. Яблони стояли все в цвету; душистая сирень склоняла свои длинные зеленые ветви над извилистым каналом.

Ах, как тут было хорошо, как пахло весной! Вдруг из чащи тростника выплыли три чудных белых лебедя. Они плыли так легко и плавно, точно скользили по воде. Утенок узнал красивых птиц, и его охватила какая-то странная грусть.

“Полечу-ка я к этим царственным птицам; они, наверное, убьют меня за то, что я, такой безобразный, осмелился приблизиться к ним, но пусть! Лучше быть убитым ими, чем сносить щипки уток и кур, толчки птичницы да терпеть холод и голод зимою!”

И он слетел на воду и поплыл навстречу красавцам лебедям, которые, завидя его, тоже устремились к нему.

- Убейте меня! - сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти, но что же увидал он в чистой, как зеркало, воде? Свое собственное изображение, но он был уже не безобразною темно-серою птицей, а - лебедем!

Не беда появиться на свет в утином гнезде, если ты вылупился из лебединого яйца!

Теперь он был рад, что перенес столько горя и бедствий, - он лучше мог оценить свое счастье и все окружавшее его великолепие. Большие лебеди плавали вокруг него и ласкали его, гладили клювами.

В сад прибежали маленькие дети; они стали бросать лебедям хлебные крошки и зерна, а самый меньшой из них закричал:

- Новый, новый!

Ногарок феи

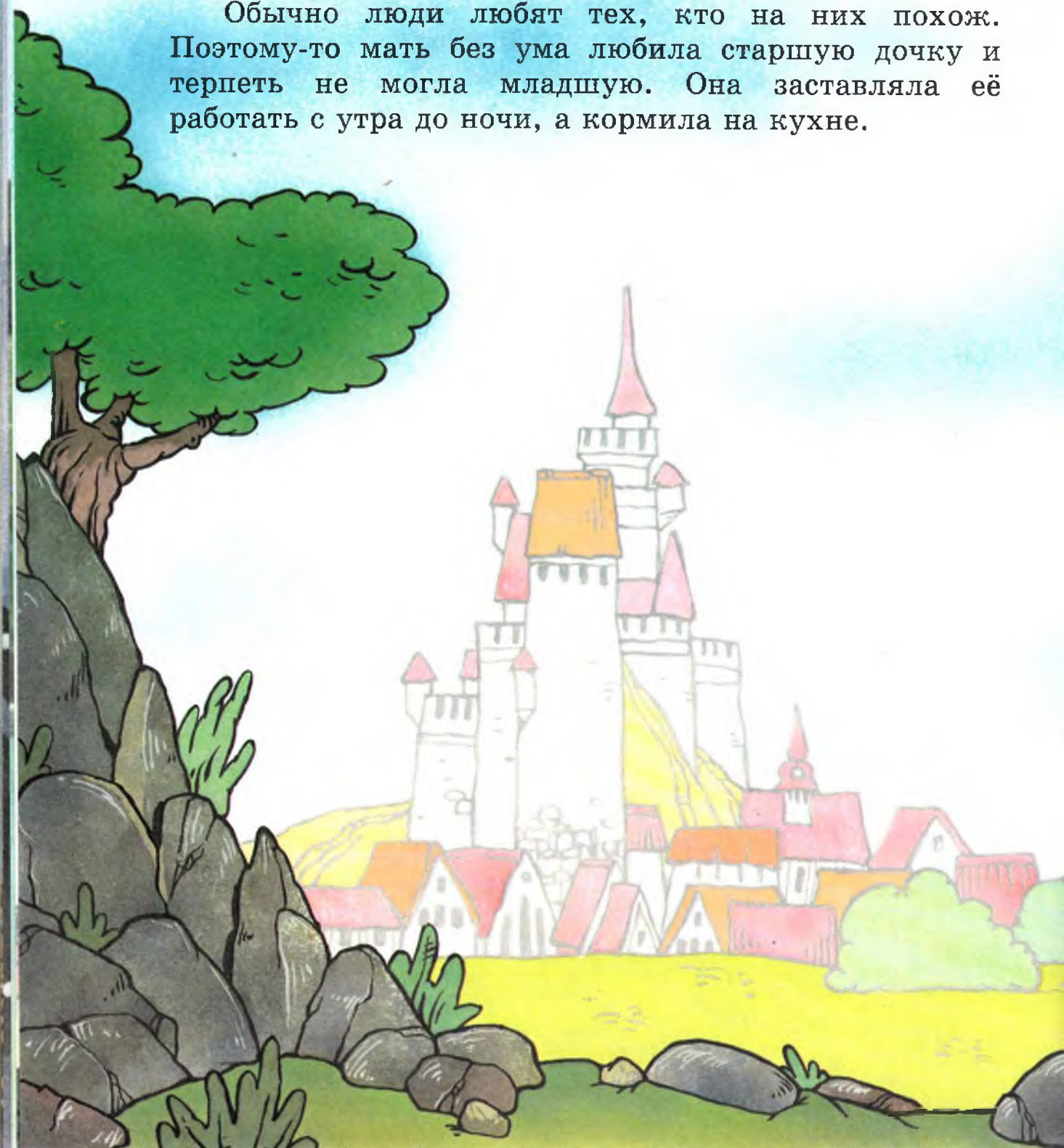

Жила когда-то на свете вдова и были у неё две дочери. Старшая — вылитая мать: то же лицо, тот же характер. Смотришь на дочку, а кажется, что видишь перед собой матушку. Обе, и дочь и мать, были до того грубы, спесивы, заносчивы, что все старались держаться от них подальше.

А младшая дочка была вся в покойного отца — добрая, приветливая, кроткая, да к тому же ещё красавица, каких мало.

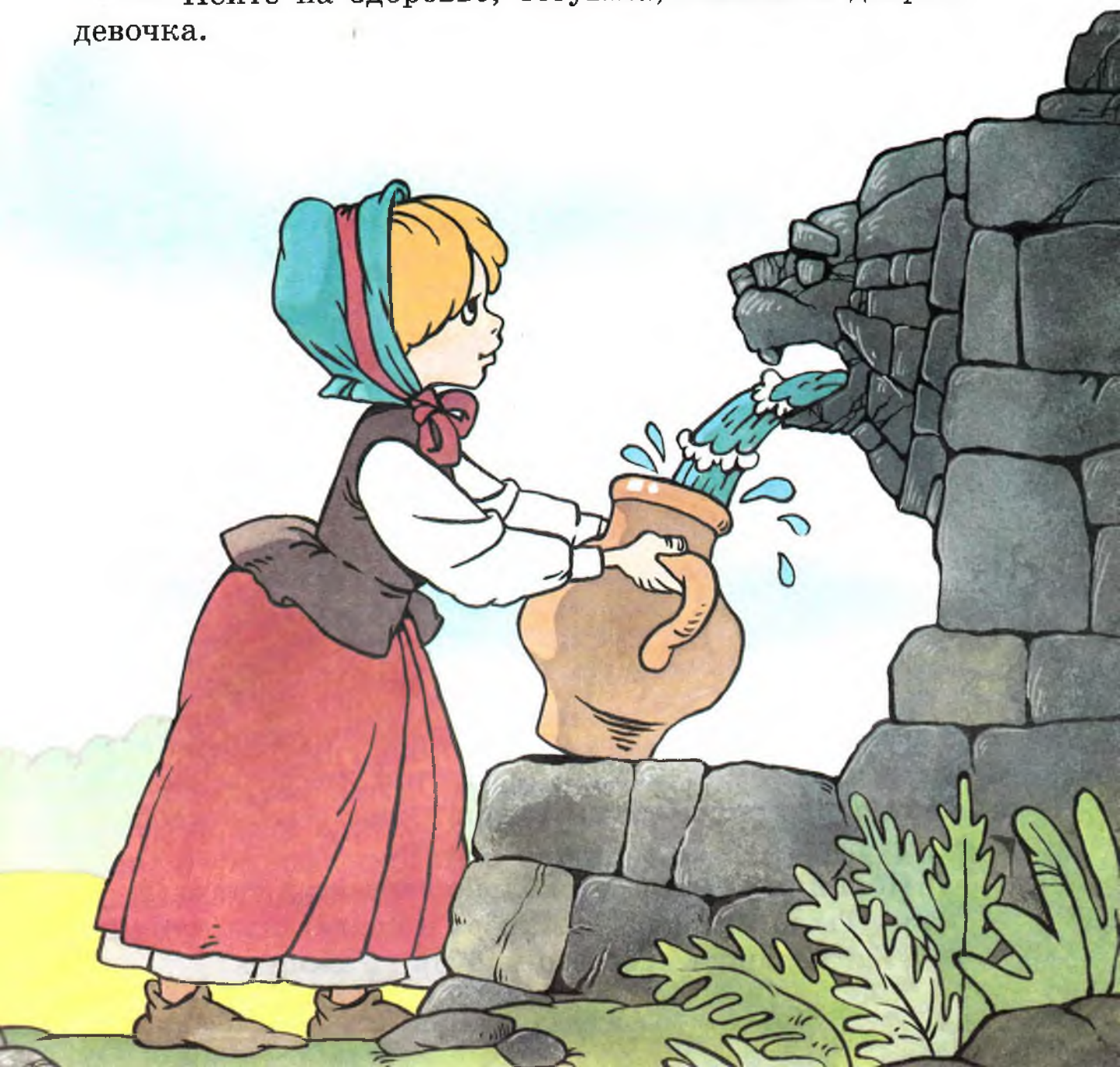
Обычно люди любят тех, кто на них похож. Поэтому-то мать без ума любила старшую дочку и терпеть не могла младшую. Она заставляла её работать с утра до ночи, а кормила на кухне.

Кроме всех прочих дел, младшая дочка должна была по два раза в день ходить к источнику, который был по крайней мере в полумиле от дома, и приносить оттуда большой, полный доверху, кувшин воды!

Как-то раз, когда девушка брала воду, к ней подошла какая-то бедная женщина и попросила напиться.

— Пейте на здоровье, тётушка, — сказала добрая девочка.

Сполоснув поскорее свой кувшин, она зачерпнула воды в самом глубоком и чистом месте и подала женщине, придерживая кувшин так, чтобы удобнее было пить.

Женщина отпила несколько глотков и сказала:

— Ты так хороша, так добра и приветлива, что мне хочется подарить тебе что-нибудь на память.

(Дело в том, что это была фея, которая нарочно приняла вид простой деревенской женщины, чтобы посмотреть, так ли эта девушка мила и учтива, как про неё рассказывают). Вот что я подарю тебе: с нынешнего дня каждое слово, которое ты промолвишь, упадёт с твоих губ либо цветком, либо драгоценным камнем. Прощай!

Когда девушка пришла домой, мать стала бранить её за то, что она замешкалась у источника.

— Простите, матушка,— сказала бедная девушка.— Я нынче и вправду запоздала.

Но едва только она проронила эти слова, как с губ её упали несколько роз, две жемчужины и два крупных алмаза.

— Смотрите-ка! — сказала мать, широко раскрыв глаза от удивления. — Мне кажется, вместо слов она роняет алмазы и жемчуга... Что это с тобой приключилось, дочка? (Тут первый раз в жизни она назвала свою меньшую дочкой.)

Девушка попросту, не таясь и не хвалясь, рассказала матери обо всём, что с ней случилось у источника. А цветы и алмазы так и сыпались при этом из её уст.

— Ну, если так,— сказала мать,— надо мне послать к источнику и старшую дочку... А ну-ка, Фаншон, посмотри, что сыплется с губ твоей сестры, чуть только она заговорит! Неужели тебе не хочется получить такой же удивительный дар? И ведь нужно для этого всего-навсего сходить к источнику и, когда бедная женщина попросит у тебя воды, вежливо подать ей напиток.

— Ну вот ещё! Охота мне тащиться в этакую даль! — отвечала злючка.

— А я хочу, чтобы ты пошла! — прикрикнула на неё мать. — И сию минуту, без разговоров!

Девушка нехотя послушалась и пошла, так и не переставая ворчать. На всякий случай она захватила с собой серебряный кувшинчик, самый красивый, какой был у них в доме.

Едва успела она подойти к источнику, как навстречу ей из лесу вышла нарядно одетая дама и попросила глоток воды. (Это была та же самая фея, но только на этот раз она приняла облик принцессы, чтобы испытать, так ли груба и зла старшая сестра, как о ней рассказывают.)

— Уж не думаете ли вы, что я притащилась сюда, чтобы дать вам напиться? — сказала девушка дерзко. — Ну, конечно, только для этого! Я и серебряный кувшинчик нарочно захватила, чтобы поднести воду вашей милости!.. А, впрочем, мне всё равно. Пейте, если хотите.

— Однако вы не очень-то любезны, — сказала спокойно фея. — Ну что ж, какова услуга, такова и награда. С нынешнего дня каждое слово, которое сорвётся с ваших губ, превратится в змею или жабу. Прощайте!

Как только девушка вернулась домой, мать закричала ей:

— Это ты, доченька? Ну как?

— А вот так, матушка! — буркнула в ответ дочка, и в то же мгновение две гадюки и две жабы плюхнулись на порог.

— Ах, Боже мой! — вскрикнула мать. — Да что же это такое? Откуда? А, знаю! Это твоя сестра во всём виновата. Ну, поплатится же она у меня! — И она накинулась на младшую дочку с кулаками.

Бедняжка в страхе бросилась бежать и укрылась в соседнем лесу.

Там и встретил её молодой принц, сын короля этой страны. Возвращаясь с охоты, он нашёл в чаще прекрасную девушку и, подивившись её красоте, спросил, что она делает в лесу совсем одна и о чем так горько плачет.

— Ах, сударь,— ответила красавица,— матушка прогнала меня из дому!

Королевский сын заметил, что с каждым словом девушка роняет из уст цветок, жемчужину или алмаз. Он изумился и попросил объяснить, что это за чудо. И тут девушка рассказала ему всю свою историю.

Королевский сын влюбился в неё. К тому же он рассудил, что дар, которым наделила красавицу фея, стоит дороже любого приданого, какое могла бы принести ему другая невеста. Он увёз девушку во дворец, к своему отцу, и женился на ней.

Что касается старшей сестры, то она с каждым днём становилась все противнее и несноснее. В конце концов даже собственная мать не выдержала и прогнала её из дому.

Несчастливая нигде и ни у кого не могла найти пристанища и умерла, отвергнутая всеми.

ВОЛК И ЛУКА

Жила лиса у волка в услужении, и что волк её заставлял, то лисе и приходилось делать, — оттого, что была она его слабее; и захотелось лисе от хозяина такого избавиться. Случилось раз идти им вместе по лесу, а волк и говорит:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем!

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, есть там двое молодых ягнят; если хочешь, давай одного утащим.

Это волку понравилось, пошли они туда; и украла лиса ягнёнка, притащила его волку, а сама убежала. Съел волк ягнёнка, но этого показалось ему мало, захотелось ему добыть другого, и пошел он, чтоб его утащить. Но волк был такой неловкий — заметила волка мать ягнёночка и принялась так сильно кричать и блеять, что сбежались крестьяне. Нашли они волка и так его избили, что он, прихрамывая и воя, явился к лисе.

— Ты меня, однако, здорово подвела, — сказал он, — хотел я было утащить другого ягнёнка, но поймали меня крестьяне и сильно мне бока намяли.

А лиса говорит:

— А зачем ты такой ненасытный?

На другой день пошли они снова на поле, и говорит волк опять:

— Лиса рыжая, достань мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

И ответила лиса:

— Я знаю один крестьянский двор, нынче вечером там хозяйка блины печёт,— давай их утачим.

Пошли они туда, а лиса весь дом кругом обшарила, всё разглядывала да принюхивалась, пока не узнала, где горшки стоят, стащила потом шесть блинов и принесла их волку.

— На тебе, ешь,— сказала она ему, а сама пошла своей дорогой.

Проглотил волк блины вмиг и говорит:

— Они такие вкусные, что мне ещё хочется, — пошёл и свалил всю миску на пол, — одни только черепки остались.

Раздался грохот, и явилась хозяйка, заметила волка, стала людей звать на помощь. Сбежались люди, стали бить его кто чем попало, и убежал он, на обе ноги прихрамывая и громко воя, к лисе в лес.

— Что это ты меня так сильно подвела? — воскликнул волк. — Поймали меня крестьяне и начесали мне спину!

Отвечает лиса:

— А зачем ты такой ненасытный?

На третий день вышли они вместе на поле. Волк, прихрамывая, еле поспевал за лисой, и говорит ей:

— Лиса рыжая, достань-ка мне что-нибудь поесть, а не то я тебя съем.

Отвечает лиса:

— Я знаю одного крестьянина, он зарезал корову, и засоленное мясо лежит у него в погребе, в бочонке, — давай его утащим!

Сказал волк:

— Так давай пойдём поскорее вместе, а ты мне поможешь, если я сам выбраться не смогу.

— Что ж, пойдём, пожалуй, — сказала лиса и показала ему все пути и лазейки.

И вот добрались они, наконец, до погреба. А было там мяса вдосталь, и волк тотчас принялся за него и подумал: «Всё съем — времени хватит». Лиса тоже как следует полакомилась, но всё кругом поглядывала и частенько подбегала к дыре, через которую они в погреб забрались, да всё пробовала, достаточно ли дыра широка, чтоб в неё пролезть. А волк говорит:

— Лиса милая, скажи мне, отчего ты всё взад да вперёд бегаешь и всё куда-то выскакиваешь?

— Да надо ведь поглядеть, не идёт ли кто, — отвечала хитрая лиса, — не ешь только слишком много.

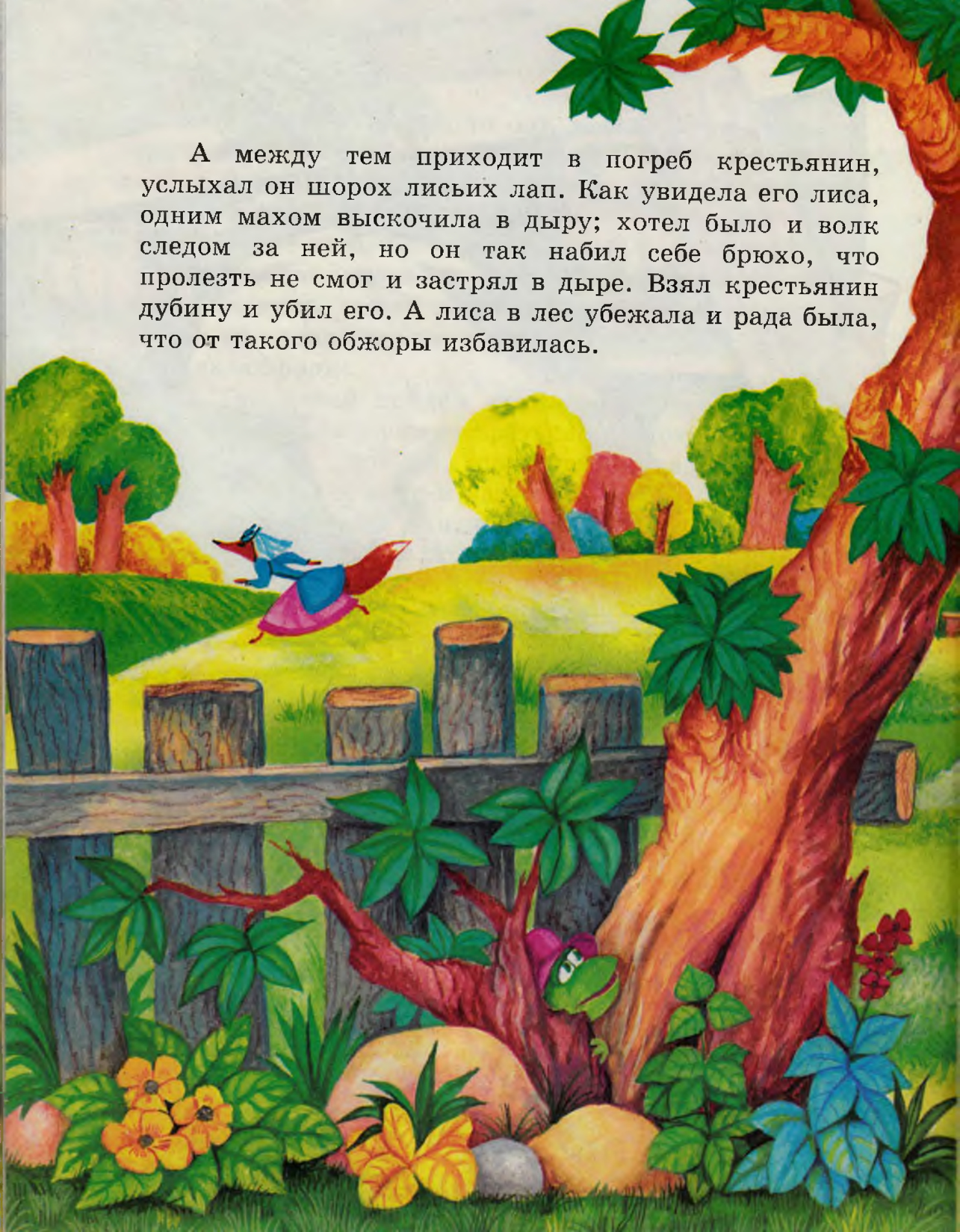
Волк говорит:

— Я уйду не раньше, чем весь бочонок съем.

А между тем приходит в погреб крестьянин, услышал он шорох лисьих лап. Как увидела его лиса, одним махом выскочила в дыру; хотел было и волк следом за ней, но он так набил себе брюхо, что пролезть не смог и застрял в дыре. Взял крестьянин дубину и убил его. А лиса в лес убежала и рада была, что от такого обжоры избавилась.

СЕМЬ ВОРОНОВ

Было у одного человека семеро сыновей и ни одной дочки, а ему очень хотелось её иметь. Вот, наконец, жена подала ему добрую надежду, что будет у них дитя; и родилась у них девочка. Радость была большая: но и дитя оказалось хилое и маленькое, так что пришлось его крестить раньше срока.

Послал отец одного из мальчиков к роднику принести поскорее воды для крещения; шестеро остальных побежали вслед за ним — каждому из них хотелось первому набрать воды, — вот и упал кувшин в колодец. И они стояли и не знали, что им теперь делать, и никто не решался вернуться домой. Отец ждал их, ждал, а они всё не возвращались, потерял он, наконец, терпение и говорит:

— Пожалуй, гадкие мальчишки опять заигрались, а про дело забыли.— И он стал опасаться, что девочка помрет некрещеной, и с досады крикнул:

— А чтоб вас всех в воронов обратило!

Только вымолвил он это слово, вдруг слышит над головой шум крыльев. Глянул он вверх, видит — кружат над ним семеро черных, как смоль, воронов.

И не могли отец с матерью снять своего заклятия, и как они ни горевали об утрате своих семерых сыновей, но всё же мало-помалу утешились, глядя на свою любимую дочку. Она вскоре подросла, окрепла и с каждым днем становилась все красивей и красивей.

Долгое время она не знала, что были у неё братья,— отец и мать избегали говорить ей об этом. Но вот однажды она случайно от людей услышала, как те говорили, что девочка-де и вправду хороша, да виновата в несчастье своих семерых братьев.

Услыхав об этом, она сильно запечалилась, подошла к отцу-матери и стала у них спрашивать, были ли у неё братья и куда они пропали. И вот — правды не скроешь — им пришлось ей объяснить, что это случилось по воле свыше и рождение её было лишь нечаянной тому причиной. Стала девочка каждый день себя попрекать и крепко призадумалась, как бы ей вызволить своих братьев.

И не было ей покоя до той поры, пока не собралась она тайком в дальнюю путь-дорогу, чтоб отыскать своих братьев и освободить их во что бы то это ни стало. Взяла она с собой в дорогу на память об отце-матери одно лишь колечко, хлебец — на случай, если проголодается, и скамеечку, чтобы можно было отдохнуть, если устанет.

И пошла она далеко-далеко, на самый край света. Вот подошла она к солнцу, но было оно такое жаркое, такое страшное, и оно пожирало маленьких детей. Бросилась она поскорей от солнца к месяцу, но был он такой холодный, мрачный и злой, и как увидел он девочку, сказал ей.

— Чую, чую мясо человечье.

Она убежала от него и пришла к звёздам. Они были ласковые и добрые, и сидела каждая из звёзд на особой скамеечке. Поднялась утренняя звезда, дала ей костылёк и сказала:

— Если не будет с тобой этого костылька — не разомкнуть тебе Стекло́нной горы, где заточены твои братья.

Взяла девочка костылёк, завернула его хорошенько в платочек и пошла. Шла она долго-долго, пока не подошла к Стекло́нной горе. Ворота были закрыты; хотела она достать костылёк, развернула она платок, глядь — а он пустой, потеряла она подарок добрых звёзд.

Что тут делать? Ей так хотелось спасти своих братьев, а ключа от Стекло́нной горы не оказалось. Взяла тогда добрая сестрица нож, отрезала себе мизинец, сунула его в ворота и легко их открыла. Входит она, а навстречу ей карлик и говорит ей.

— Девочка, ты что здесь ищешь?

— Ищу я своих братьев, семерых воронов.

А карлик ей говорит:

— Воронов нету дома. Если хочешь их по-
дождать, пока они вернутся, то входи.

Потом карлик принес воронам пищу на семи тарелочках; отведала сестрица из каждой тарелочки по крошке и выпила из каждого кубочка по глоточку, а в последний кубочек опустила колечко, взятое с собой в дорогу.

Вдруг слышит в воздухе шум крыльев и свист.
И говорит ей карлик:

— Это летят домой вороны.

Вот прилетели они, есть-пить захотели, стали
искать свои тарелочки и кубочки. А ворон за
вороном и говорит:

— Кто это ел из моей тарелочки? Кто пил из
моего кубочка? Никак человечьи уста?

Допил седьмой ворон до дна свой кубок, тут и выкатилось колечко. Посмотрел он на него и узнал, что то колечко отца-матери, и говорит:

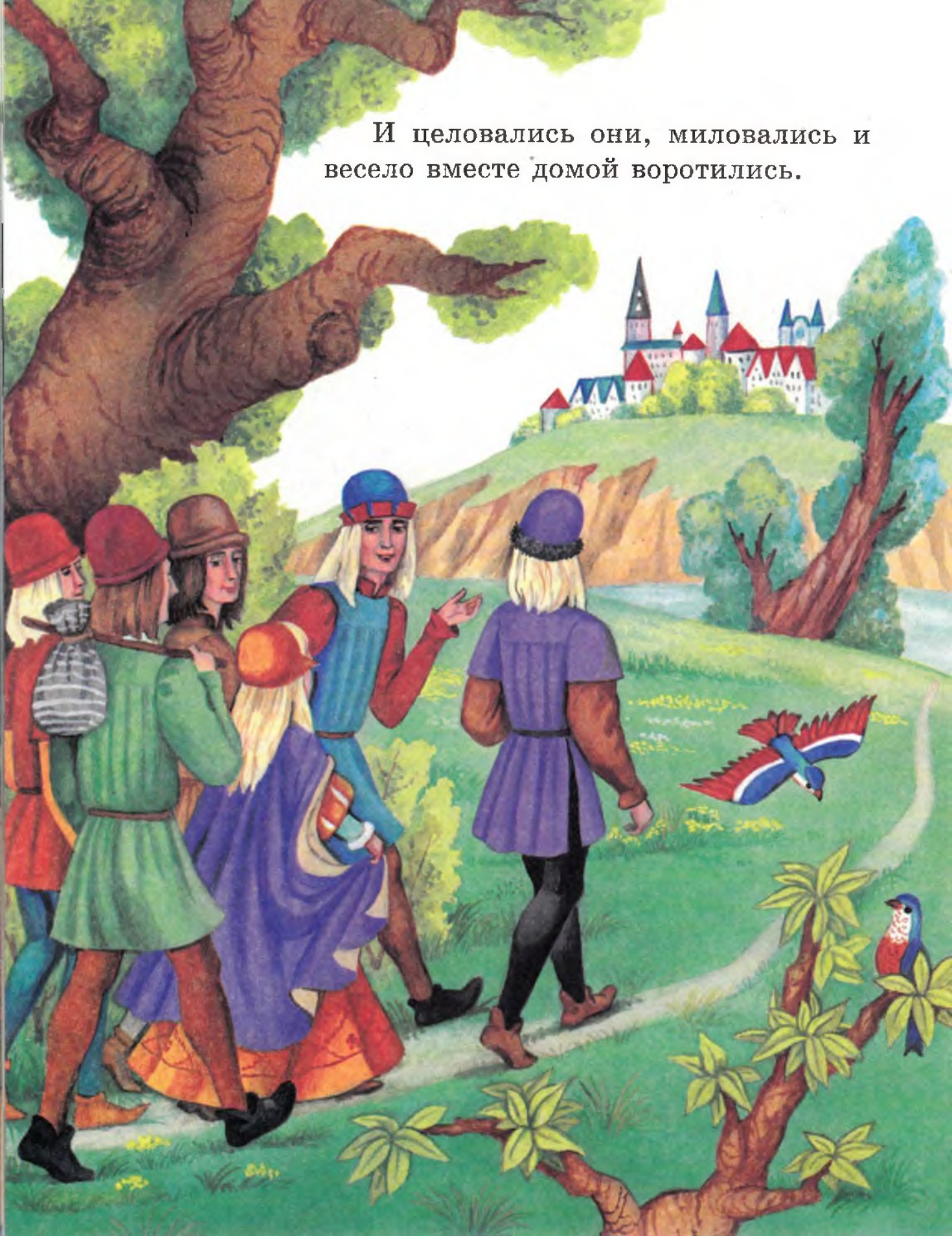
— Дай боже, чтобы наша сестрица тут оказалась, тогда мы будем расколдованы.

А девочка стояла тут же за дверью; она услышала их желание и вошла к ним — и вот обернулись вороны опять в людей.

И целовались они, миловались и
весело вместе домой воротились.

ЧУДАКОВАТЫЙ МУЗЫКАНТ

Жил-был однажды на свете чудаковатый музыкант. Шёл он раз по лесу один-одинёшенек и раздумывал о всякой всячине; но когда ему думать было уж не о чём, он молвил про себя:

— Время в лесу тянется медленно, надо бы себе подыскать доброго товарища.

Он взял скрипку, которая висела у него за спиной, и стал на ней наигрывать что-то весёлое, да так, что было слышать по всему лесу.

Вскоре выбежал из лесной чащи волк.

— А-а, вот и волк явился! Его-то я меньше всего хотел бы видеть, — сказал музыкант.

Но волк подступил ближе и говорит ему:
— Ох, милый музыкант, как ты, однако, хорошо играешь! Так и я бы непрочь научиться.

— Этому делу недолго научиться,— ответил ему музыкант,— только ты должен исполнить всё, что я тебе велю.

— О-о, музыкант,— сказал волк,— я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Музыкант велел идти вслед за собой. Дот прошли они часть дороги вместе, подошли к старому дубу; и было внутри него дупло, а посредине древо было расщеплено.

— Смотри, — сказал музыкант, — если хочешь научиться играть на скрипке, то заложи передние лапы в расщелину.

Волк послушался, а музыкант тем временем быстро поднял с земли камень и загнал волку обе лапы в расщелину, да так крепко, что тот оказался в ловушке и нельзя ему было и пошевелинуться.

— А теперь жди меня, пока я вернусь, — сказал музыкант и пошёл своей дорогой дальше.

Прошло ни много ни мало времени, и говорит музыкант опять про себя: «Здесь в лесу время тянется долго, надо бы себе раздобыть другого товарища». Он взял свою скрипку и заиграл на весь лес. Вскоре, пробиваясь через заросли, явилась лиса.

— Ах, вот и лиса явилась! — сказал музыкант. — Но видеть её у меня нет особой охоты.

А лиса подошла к нему и говорит:

— Ой, милый музыкант, как ты прекрасно играешь! Так бы и мне тоже хотелось научиться.

— Что ж, научиться этому можно быстро, — сказал музыкант, — только ты должна исполнять всё, что я тебе велю.

— О, музыкант, — ответила лиса, — я буду тебя слушаться, как ученица своего учителя.

— Ступай за мной, — сказал музыкант.

Вот прошли они часть пути и подошли к тропе, по обеим сторонам которой росли высокие кусты. Тут музыкант остановился, пригнул с одной стороны орешничек до самой земли, наступил на его верхушку ногой, а с другой стороны нагнул другое деревцо и говорит:

— Ну, что ж, лисонька, ежели ты чему-нибудь хочешь научиться, то протяни-ка мне свою левую переднюю лапу.

Лиса послушалась — и музыкант привязал ее лапу к левому стволу дерева.

— А теперь, лисонька,— сказал он,— протяни мне правую,— и привязал лапу к правому стволу дерева. Потом он посмотрел, прочно ли завязаны узлы, и отпустил лису; и вот поднялись деревья вверх и подбросили лисичку высоко-высоко; она повисла в воздухе и стала трепыхаться.

— А теперь дожидайся меня, пока я вернусь,— сказал музыкант и двинулся дальше.

И опять говорит про себя: «Время в лесу тянется медленно; надо бы мне найти себе другого товарища». Он взял свою скрипку, и разнеслись звуки по всему лесу. Вот прискакал к нему зайчик.

— Ах, зайчик явился! — сказал музыкант. — А я-то его и не звал.

— Ох, милый музыкант,— сказал зайчик,— как ты прекрасно играешь на скрипке, хотел бы и я научиться так играть.

— Этому делу быстро можно научиться,— сказал музыкант,— только ты должен делать всё, что я тебе велю.

— О, музыкант,— ответил зайчик,— я буду тебя слушаться, как ученик своего учителя.

Прошли они часть дороги вместе, подошли к лесной поляне; а стояла там осина. Привязал музыкант зайчику на шею длинную бечёвку, а другой конец прикрепил к дереву.

— Ну, зайчик, а теперь беги-ка двадцать раз вокруг дерева, — крикнул музыкант.

Зайчик послушался, обежал двадцать раз вокруг осины, и двадцать раз обкрутилась бечёвка вокруг ствола, и зайчик был пойман; и как ни тянул он и ни грыз бечёвку, она только больше и больше врезалась в его нежную шею.

— А теперь дожидайся, пока я назад вернусь, — сказал музыкант и двинулся дальше.

А волк тем временем всё дёргался, тянул, кусал камень и трудился до тех пор, пока не высвободил лап и не вытащил их из расщелины. Разгневанный, разъярённый, он кинулся вслед за музыкантом и решил его разорвать. Увидала лиса бегущего волка, начала выть и завопила во всё горло:

— Братец мой волк, ступай ко мне на помощь, меня музыкант обманул!

Нагнул волк деревья, перегрыз веревки и освободил лису; и отправились они вместе, чтоб отомстить музыканту. Они нашли привязанного зайчика, освободили его тоже, а потом все вместе кинулись на поиски своего врага.

А музыкант, идя по дороге, заиграл опять на своей скрипке, но на этот раз ему посчастливилось больше. Его игру услышал один бедный дровосек, и он невольно бросил свою работу и пришёл с топором в руке, чтобы послушать музыку.

— Наконец-то явился ко мне настоящий товарищ, — сказал музыкант, — ведь я-то искал человека, а не диких зверей.

И он начал играть на скрипке и играл так прекрасно и с таким мастерством, что бедняк стоял, как зачарованный, и сердце у него ширилось от радости.

И когда он стоял, явились волк, лиса и зайчик, и заметил дровосек, что они замышляют что-то недоброе. Поднял тогда дровосек свой острый топор и стал впереди музыканта, словно желая этим сказать: «Кто посмеет его тронуть, берегись, — тому придётся дело иметь со мной!» Испугались тогда звери и убежали назад в лес, а музыкант сыграл дровосеку ещё раз, в знак благодарности, и пошёл себе дальше.

ПЧЕЛИНАЯ КОРОЛЕВА

Отправились однажды два королевича на поиски приключений и стали вести жизнь разгульную да распутную — даже домой не возвращались.

Тогда пошёл младший, которого звали Дурнем, на поиски братьев. А когда нашёл их, стали братья над ним смеяться, что вздумал он, младший, собственную дорогу в жизни пробить. Ведь они двое куда его поумней, а и то дороги той не сыскали.

Дальше они отправились втроём, и попался им по дороге муравейник. Двое старших решили его раскопать, чтобы поглядеть, как муравьи будут в страхе бежать и уносить свои личинки, но Дурень сказал:

— Оставьте муравьёв в покое. Я не позволю, чтобы вы их тревожили.

Пошли они дальше и пришли к озеру, где плавало много уток. Старшие братья хотели было поймать и зажарить парочку, но тут опять вмешался младший и сказал:

— Оставьте уток в покое. Я не позволю, чтобы их убивали.

Затем повстречалось им дупло, где находилось пчелиное гнездо. И было там так много мёда, что он даже по стволу стекал. Решили старшие развести под деревом костёр, чтобы выкурить пчёл и самим мёдом полакомиться. Но Дурень снова их удержал, сказав:

— Оставьте пчёл в покое. Я не позволю, чтобы вы их уничтожали.

Наконец пришли они к замку, и не было кругом ни одной живой души. Только на конюшне стояли окаменевшие кони. Осмотрели братья все залы и подошли, наконец, к дверям, запертым на три замка; но в двери была щель, сквозь которую они разглядели комнату и седого человечка, что сидел у стола. Братья окликнули его раз, другой, и лишь на третий раз человечек услышал их; встал, отпер замки и вышел навстречу. Затем молча пригласил братьев к богато накрытому столу, а когда они попили и поели, отвёл каждого из них в свою опочивальню.

На другое утро седой человечек явился к старшему из братьев, подвёл его к каменному столу, на котором были написаны три задачи; если решить их, то замок будет расколдован. Первая задача состояла в том, чтобы разыскать в лесу подо мхом жемчуга принцессы, коих была целая тысяча. А если до захода солнца не хватит хотя бы одной жемчужины, то искавший их обратиться в камень.

Старший брат отправился в лес и весь день провёл в поисках, но нашёл только сотню жемчужин; и случилось то, что было начертано на столе — обратился он в камень. На другой день вышел на поиски средний брат. Но и ему не слишком повезло: собрал он не больше двух сотен жемчужин и тоже обратился в камень.

Наконец пришёл черёд идти Дурню; стал он рыться во мхах, но найти жемчуга было трудно и дело продвигалось медленно. Сел младший брат на камень и заплакал. Тут явился к нему муравьиный царь, которого он спас, с пятью тысячами муравьёв. Вскоре они собрали все до одной жемчужины.

Вторая задача состояла в том, чтобы достать со дна озера ключ от опочивальни принцессы. Только пришёл Дурень к озеру, как приплыли к нему утки, которых он спас, нырнули и достали этот ключ.

Третья задача — самая трудная: надо было выбрать из трёх спящих принцесс самую младшую да пригожую. А были они похожи одна на другую, как две капли воды, и отличались только тем, что перед сном ели разные сладости: старшая — леденец, средняя — немного варенья, а младшая — ложечку мёда.

И явилась тогда к Дурню королева тех пчёл, которых он защитил от огня. Прикоснулась она к губам каждой из трёх принцесс и осталась на той, что ела мёд; так королевич узнал, которая младшая. Тут сонные чары с королевства были сняты и все, обращённые в камень, снова приняли свой облик.

Дурень женился на младшей и самой красивой принцессе и стал после смерти её отца королём; а двое его братьев взяли в жёны двух других сестёр. И зажили они счастливо да богато.

ТРИ ПРЯХИ

Жила-была девушка, ленивица да прясть не охотница; и что ей мать ни говорила, а заставить её работать никак не могла.

Вот, наконец, у матери терпенья не стало, разгневалась она и побила свою дочь, а та и разревелась вовсю. А как раз в это время проезжала мимо королева; услыжала она плач, велела остановить карету, вошла в дом и спрашивает у матери, за что та бьёт свою дочь так, что слышен крик даже на улице.

Стыдно было женщине рассказывать, что дочка у неё такая ленивая, и она сказала:

— Да вот никак не могу оторвать её от прялки, у неё всё охота пряхь да пряхь, а мне-то, по бедности, откуда достать столько льна?

И сказала королева:

— Нет для меня ничего приятней, как слышать, когда прядут, и нет ничего милее, когда жужжат веретёна. Отдайте мне дочь свою в замок, льна у меня достаточно, и пусть себе прядёт, сколько ей вздумается.

Мать была этому рада, и королева забрала девушку с собой. Вот прибыли они в замок, повела королева её наверх и показала три светёлки, а набиты они были сверху донизу самым отборным льном.

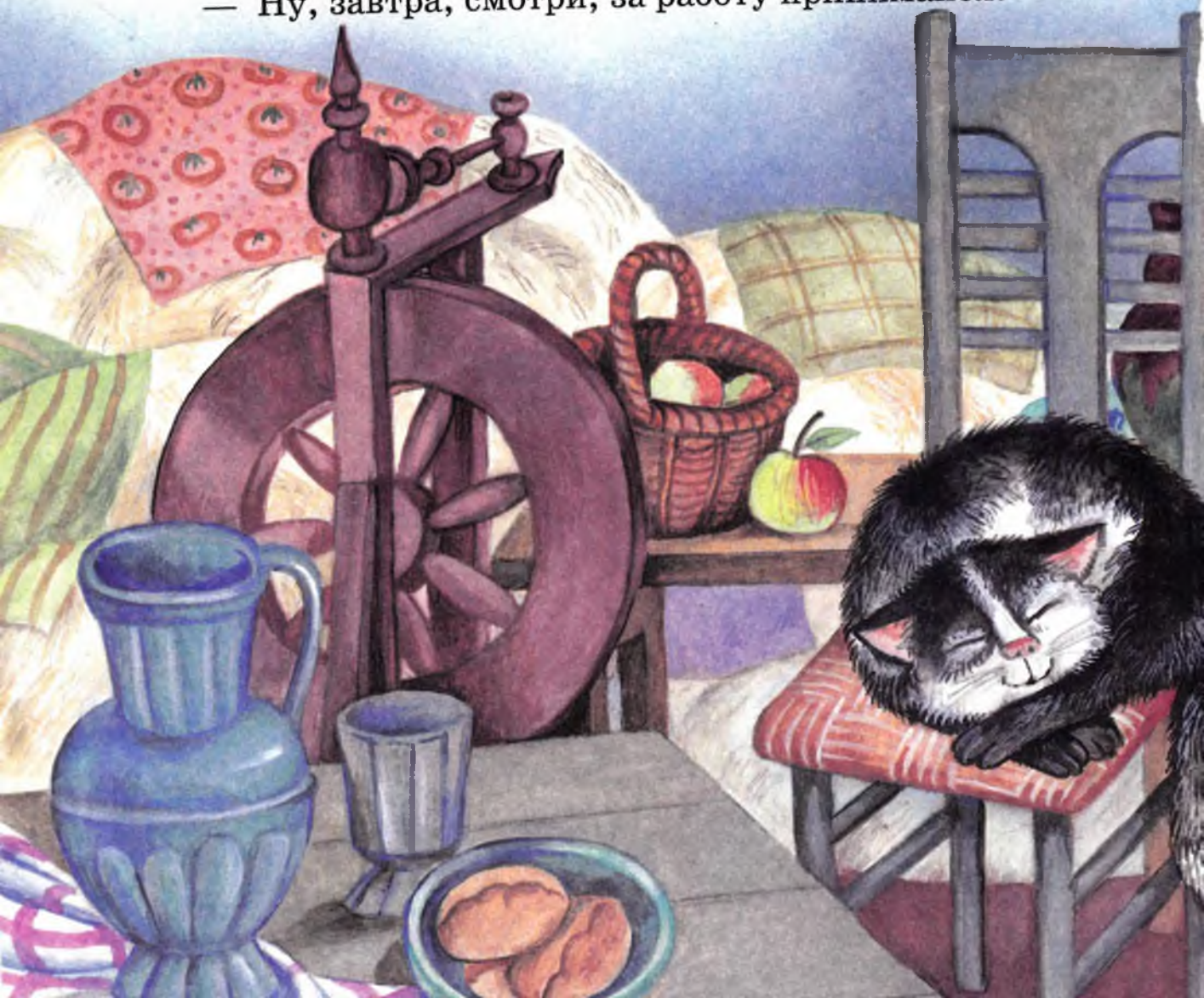
— Вот этот лён ты мне и перепряди,— сказала она.— Коль управишься с этой работой, я выдам тебя замуж за старшего своего сына. Я не посмотрю на то, что ты девушка бедная, твоё усердие будет вместо приданого.

Испугалась девушка: ведь она не могла перепрять столько льна, даже если бы сидела над пряжей каждый день с утра до вечера целых триста лет.

Осталась она одна и стала плакать, и просидела так, сложа руки, целых три дня. А на третий день пришла королева и, увидев, что девушка ничего не на пряла, удивилась, но та ей объявила, что не могла начать работать, тоскуя по материнскому дому. Королева этим объяснением удовлетворилась, но, уходя, сказала

— Ну, завтра, смотри, за работу принимайся.

ясть
жей
дела
день
о не
огла
оро-
одя,

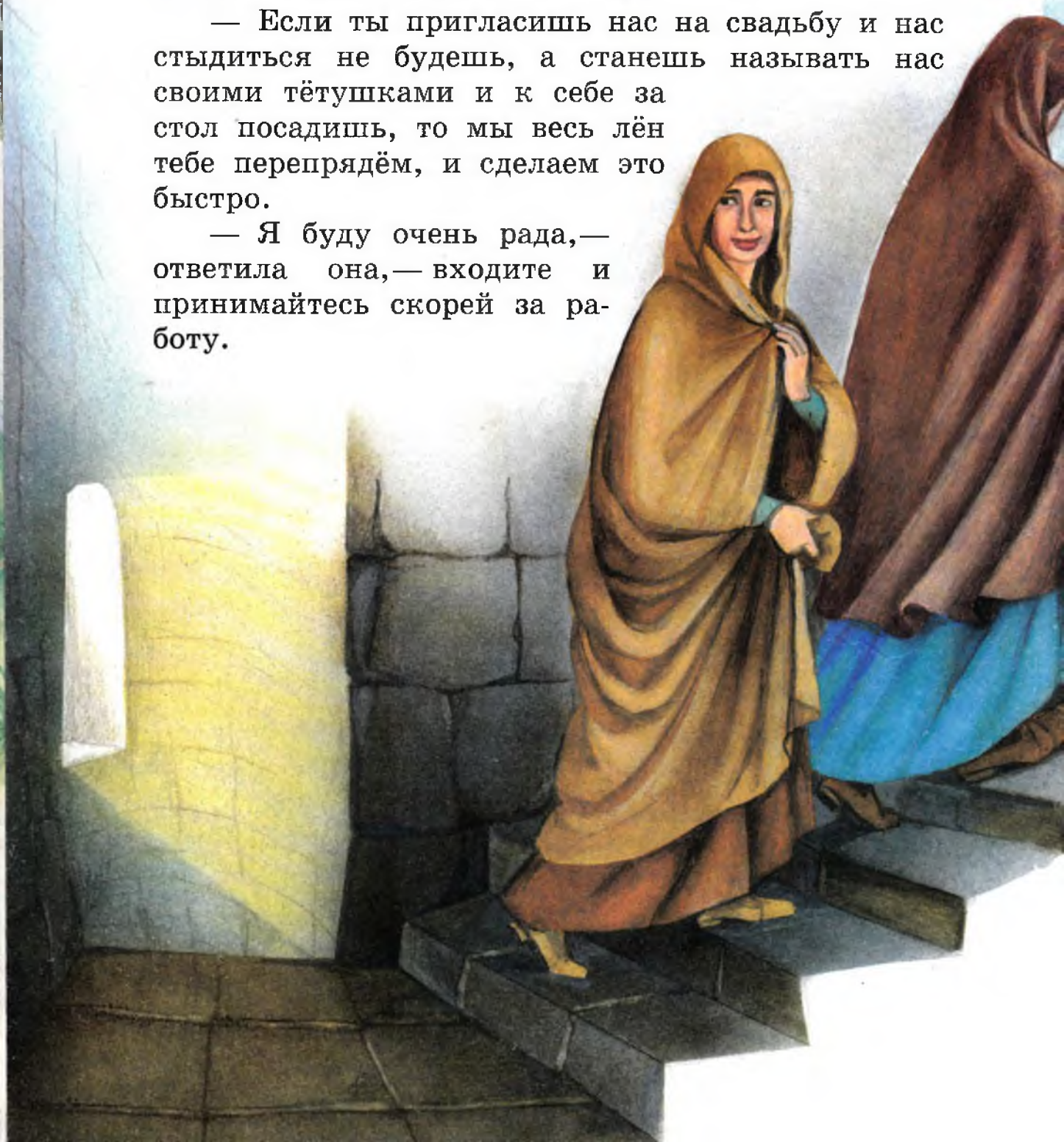
И осталась девушка опять одна, и, не зная, с чего ей начать, что и придумать, подошла в горе к окошку. Она увидела, что идут три женщины: и была у одной из них ступня широкая, а у другой такая толстая нижняя губа, что прямо вся к подбородку свисала, а у третьей был широкий большой палец.

Остановились они у окошка, посмотрели наверх и спросили девушку, чего ей не хватает. Она стала жаловаться на своё горе; и вот предложили они ей помочь и сказали:

— Если ты пригласишь нас на свадьбу и нас стыдиться не будешь, а станешь называть нас своими тётушками и к себе за стол посадишь, то мы весь лён тебе перепрядём, и сделаем это быстро.

— Я буду очень рада, — ответила она, — входите и принимайтесь скорей за работу.

Она впустила трёх диковинных женщин и освободила для них место в первой светёлке. Они сели и начали прясть. Одна тянула нитку и вертела колесо, другая её смачивала, а третья сузила и пальцем о стол постукивала — и падал ворох пряжи наземь, и была пряжа самой тонкой работы. Девушка скрывала от королевы этих трёх прях; и похвалам королевы не было конца. Когда в первой комнате льна уже не хватило, они перешли во вторую, наконец — в третью, а вскоре и в этой льна больше не хватило.

Потом три женщины попрощались
и напомнили девушке:

— Смотри же, не забудь, что нам
обещала; и будет тебе счастье!

Девушка показала королеве пустые комнаты и большую грудку пряжи, и та стала готовить ей свадьбу: и радовался жених, что женится на такой искусной и прилежной девушке, и всячески её расхваливал.

— Есть у меня три тётки,— сказала девушка,— они мне сделали много добра, и я не хотела бы позабыть о них в своём счастье,— так вот, дозвоьте мне пригласить их на свадьбу и посадить рядом с собою за стол.

Королева и жених отвечали:

— Ну, конечно, мы разрешаем!

И вот, когда начался свадебный пир, вошли во дворец три женщины в странном одеянии, и невеста им и говорит:

— Добро пожаловать, милые тётушки!

— Ах,— говорит жених,— как ты можешь дружить с такими противными бабами? — И он подошёл к той, у которой была широкая ступня, и спрашивает:

— Отчего это у тебя такая широкая ступня?

— От работы на прялке,— ответила она,— от работы на прялке.

Потом подходит жених ко второй и спрашивает:

— Отчего это у тебя губа такая отвисшая?

— Оттого, что лён смачивала, — ответила она, — оттого, что лён смачивала!

Спросил он третью:

— Отчего у тебя палец такой широкий?

— Оттого, что нитки сучила, — ответила она, — оттого, что нитки сучила!

Испугался тогда королевич и говорит:
— С этой поры никогда моя милая невеста не
должна к прялке и близко подходить.
Так избавилась она от ненавистой ей пряжи.

ЗАЯЧЬЯ НЕВЕСТА

Жила-была женщина со своей дочкой, и был у неё прекрасный огород, и росла на том огороде капуста. Но повадился туда ходить зайчик и к зиме поел всю капусту. Вот и говорит мать дочке:

— Ступай на огород и прогони зайчика.

И говорит девушка зайчику:

— Прочь, прочь, зайчик, а то ты этак всю капусту поешь!

А зайчик ей и говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на мой заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. На другой день приходит зайчик опять и ест капусту. Говорит мать дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Говорит девушка зайчику:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик говорит:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в заячью избушку.

А девушка не соглашается. Приходит зайчик и на третий день и ест капусту.

Вот мать и говорит своей дочке:

— Ступай на огород да прогони зайчика.

Девушка говорит:

— Пш-пш, зайчишка, этак ты всю капусту поешь!

А зайчик ей отвечает:

— Девушка, иди сюда, садись ко мне на заячий хвостик и поедем вместе со мной в мою заячью избушку.

Села девушка на заячий хвостик, и повёз её зайчик далеко-далеко в свою избушку. Говорит он девушке:

— Ну, а теперь навари зелёной капусты и проса, а я пойду звать гостей к нам на свадьбу.

Вот собрались все гости свадебные. (А кто же были у них поезжане? Я тебе расскажу это, как сказывал мне о том другой человек: были там всякие зайцы; ворон был вместо попа, чтоб обвенчать молодых, лиса — за причётника, а алтарь был под самую радугой.)

Но девушка пригорюнилась, что была она среди них одна-одинёшенька.

А тут приходит зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся, веселятся гости свадебные!

А невеста молчит и плачет. Зайчик ушёл; потом приходит опять и говорит:

— Отворися, отоприся, есть хотят гости свадебные!

А невеста всё молчит да плачет. Зайчик уходит и опять приходит и говорит:

— Отворися, отоприся, гости свадебные уж ждались!

А невеста молчит, и зайчик уходит. Сделала она тогда из соломы чучело, нарядила его в своё платье, дала ему в руку поварёшку и посадила к котлу с просом, а сама ушла к матери.

Приходит опять зайчик и говорит:

— Отворися, отоприся,—отворяет дверь да как ударит чучело по голове — у того и чепец с головы свалился. Увидел тогда зайчик, что это не его невеста, и ушёл грустный и печальный.

Литературно-художественное издание
Для детей дошкольного и младшего
школьного возраста

«Сказки зарубежных писателей»

Выпуск № 2

Компьютерная верстка С. Т. Ковалевой

Подписано в печать 20.10.2000 г.

Формат 84x108 ¹/₁₆. Гарнитура «Школьная»

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная

Объем 19 п.л. Тираж 10000 экз. С-021

Заказ № 1491.

ООО издательство «Литература»

115407, Москва, ул. Судостроительная, 40

Лицензия ЛР № 064527 от 11.04.96 г.

Издательство «Вече»

129348, Москва, ул. Красной сосны, 24

Лицензия ЛР № 064614 от 03.06.96 г.

Гигиеническое заключение на продукцию,
товар. № 77. ФЦ. 8. 963. П. 29.2.96 от 05.02.1999 г.

По вопросам оптовых закупок обращаться по телефонам:

«Литература»: факс (095) 112-3105; тел. 116-8136;

«Вече»: 188-1650, 188-8802

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы
им. 50-летия СССР Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
170040, г. Тверь, проспект 50-летия Октября, 46

ISBN 5-7842-0126-3

9 785784 201263

СКАЗКИ

ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

